

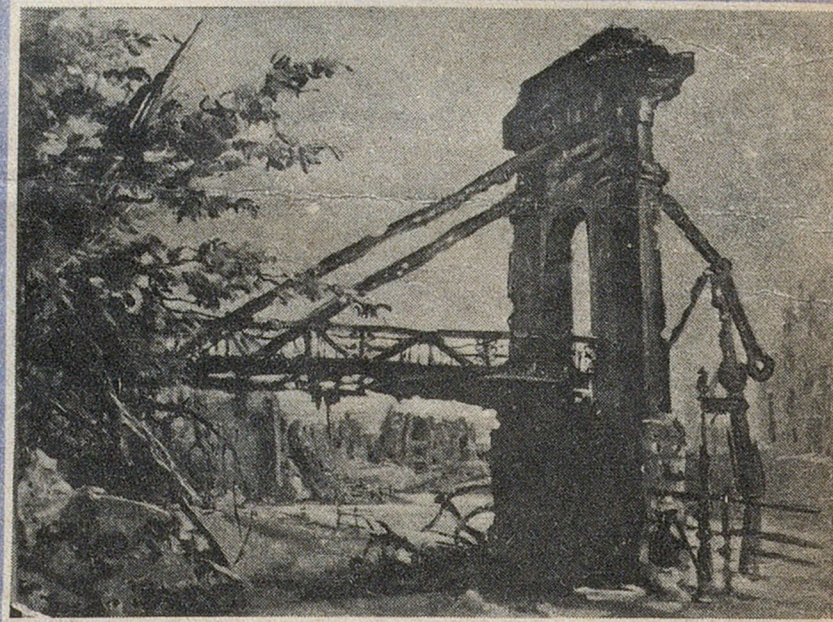
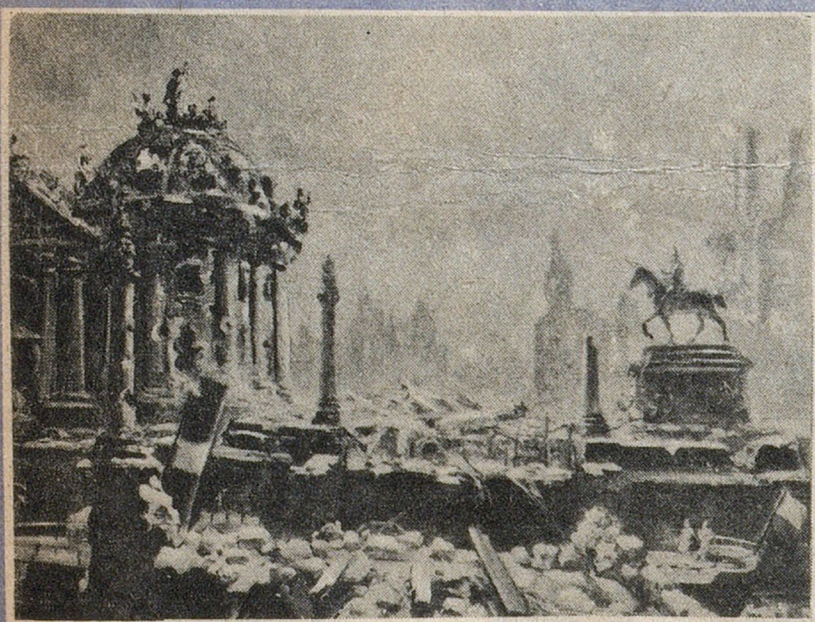
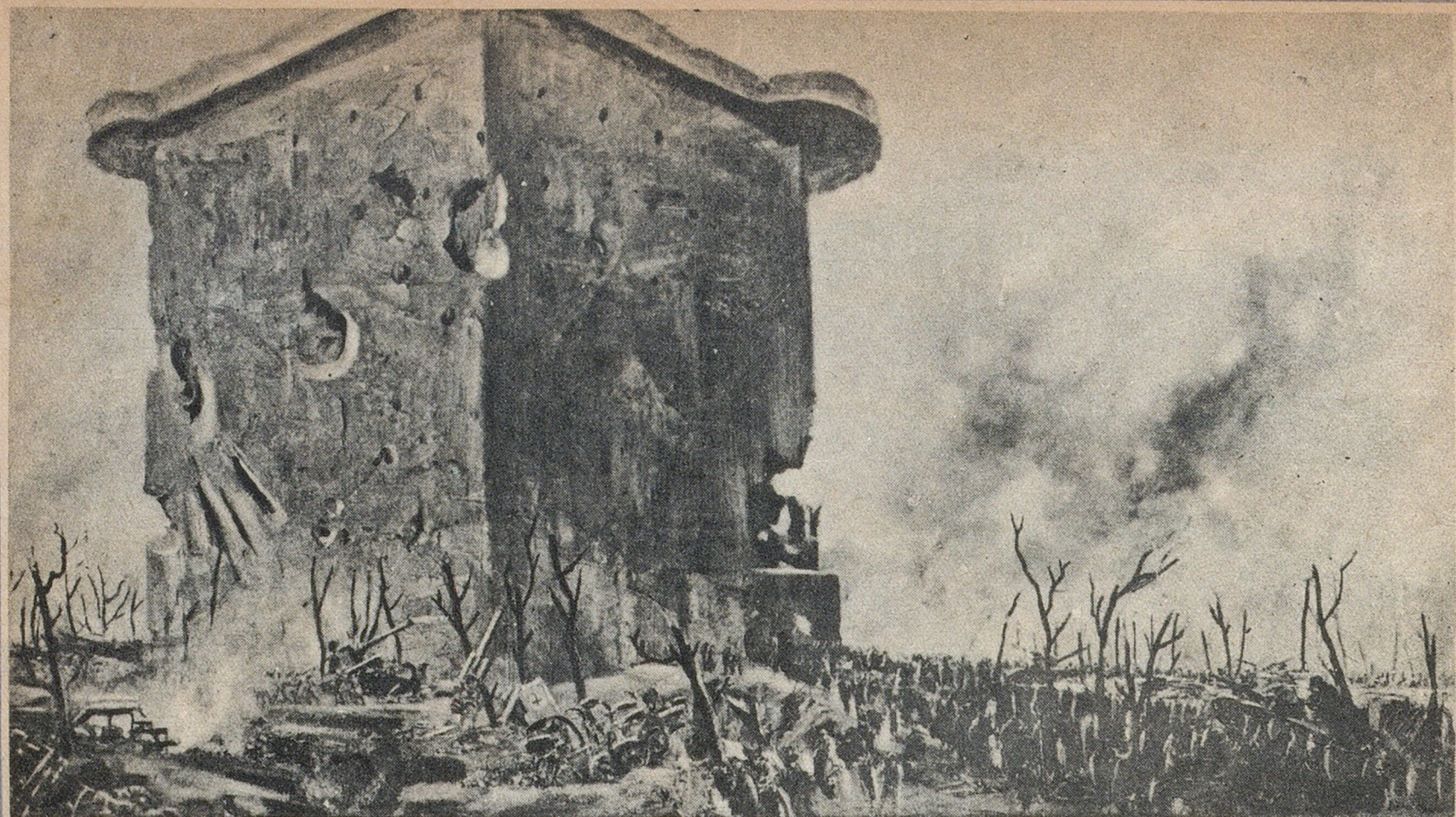

Огонёк

№ 33

1945 год

ИЗДАНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
1945

«БЕРЛИН»

Лауреат Сталинской премии художник П. П. Соколов-Скаля побывал в Берлине через месяц после его взятия Красной Армией (см. в номере стр. 14). Художник сделал на месте ряд этюдов, которые под общим названием «Берлин» показаны на выставке Московского художественного фонда. Помещаем несколько этюдов П. П. Соколова-Скаля. Вверху: «Бункер. Утро 2 мая 1945 года». 2-й ряд: слева — «Музейный остров»; справа — «Сломанный мост». Внизу: слева — «Перекресток»; справа — «Рейхстаг. Северная часть».

В номере:

**В ПОТСДАМЕ, БЛИЗ
БЕРЛИНА 17 ИЮЛЯ —
2 АВГУСТА 1945 ГОДА**

Фоторепортаж
С. Гурарий.

КО ДНЮ АВИАЦИИ

Евгений Кригер.
Одна ночь.

В. Темко. — Торжество
советской авиации.
Н. И. Найдёнов. —
Крылатые богатыри.
Из истории авиации.

ПРОЗА

Аветик Исаакян. — По-
следняя весна Саади.
Рисунок Б. Фридкина.

СТАТЬИ

Л. Никулин. Люди рус-
ского искусства. Про-
щание с Ермоловой.

СТИХИ

Анатолий Кудрейко. —
Самолёт над нивой.
Антон Пришелец. —
Два стихотворения.

РЕПОРТАЖ

С. Коротков. — В родном
колхозе.

**ЛИТЕРАТУРА И
ИСКУССТВО**

Впервые на русской сце-
не. Е. Канн. — Спек-
такль любителей.
Н. Барютин. — Слава
Палека. А. Никола-
ев. — Выставка в Му-
зее Льва Толстого.
П. Соколов-Скаля. —
Берлин. Новые книги.

ИЗ ПРОШЛОГО

А. Н—ов. — Генералис-
симус Суворов и ад-
мирал Нельсон.

ЮМОР

Евг. Бермонт. — Шпуль-
кин на фронте. Рисун-
ки Г. Валька.

**СПОРТ. — КТО ЭТО
СКАЗАЛ? — РАССКА-
ЗЫВАЮТ, ЧТО... — ПО-
ЧЕМУ МЫ ТАК ГОВО-
РИМ? — НОВЫЕ МАР-
КИ. — ШАХМАТЫ. —
ШАШКИ. — КРОСС-
ВОРД.**

НА ОБЛОЖКЕ: рисунок
А. Житомирского.

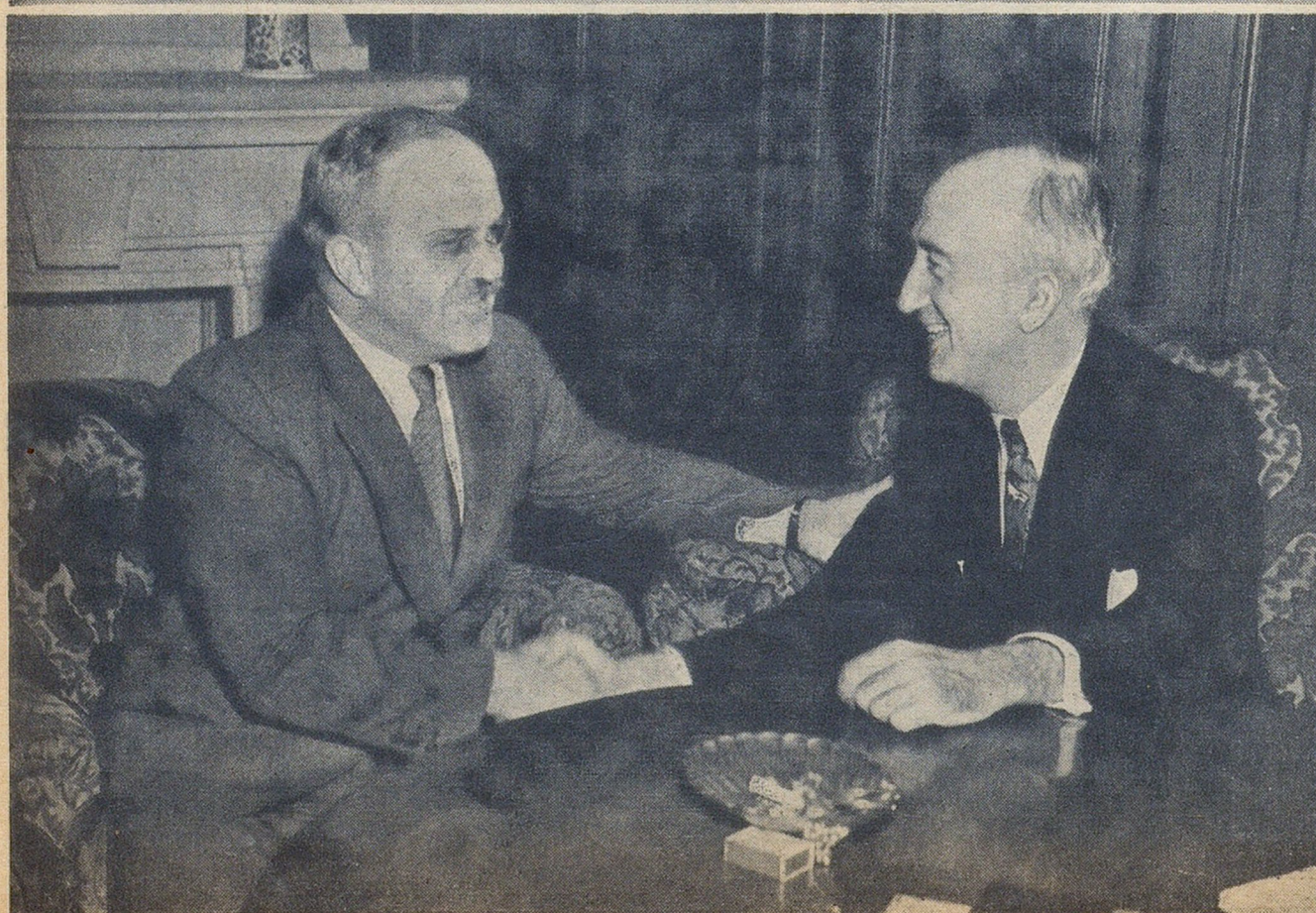
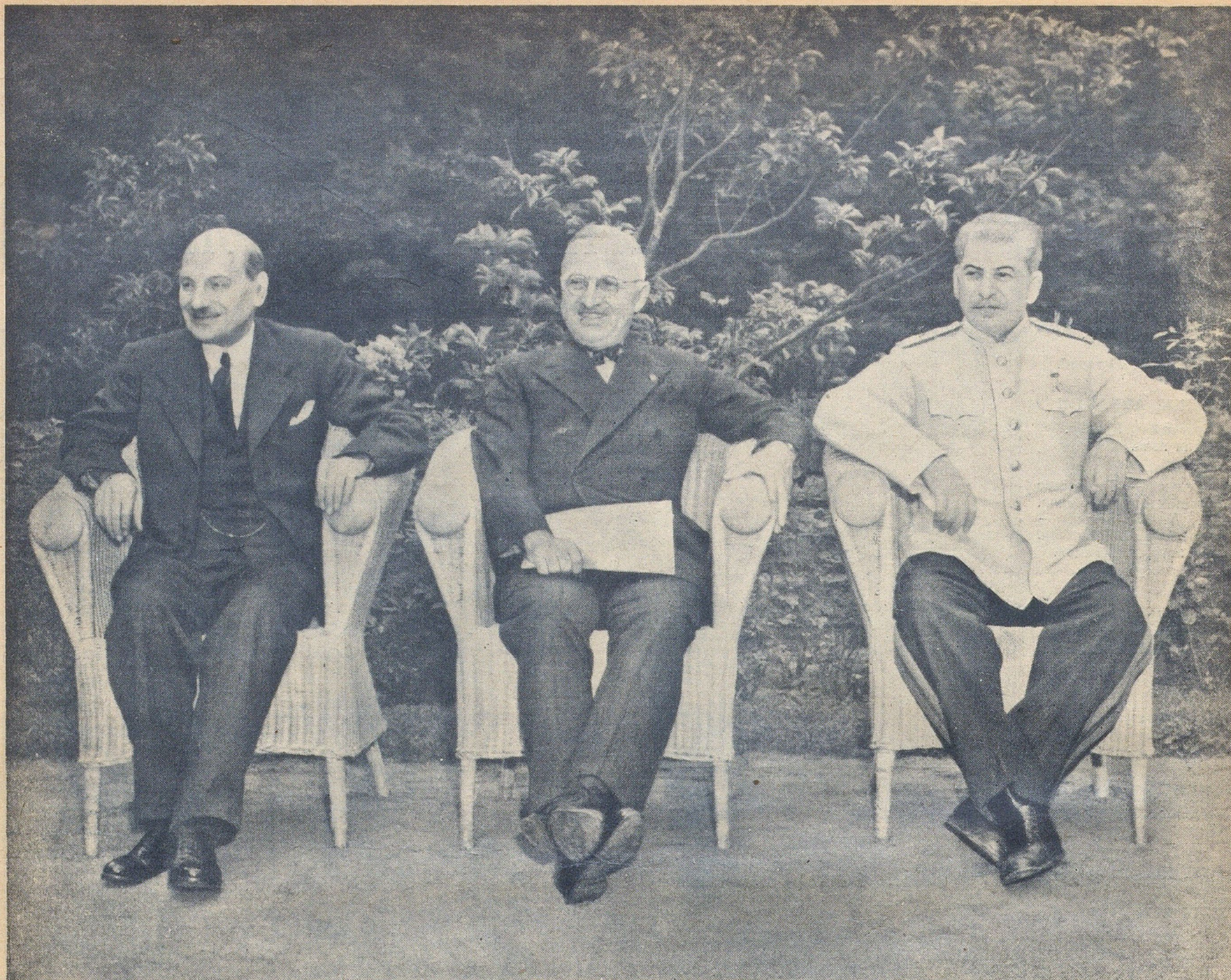
В ПОТСДАМЕ, БЛИЗ БЕРЛИНА

17 июля—2 августа 1945 года

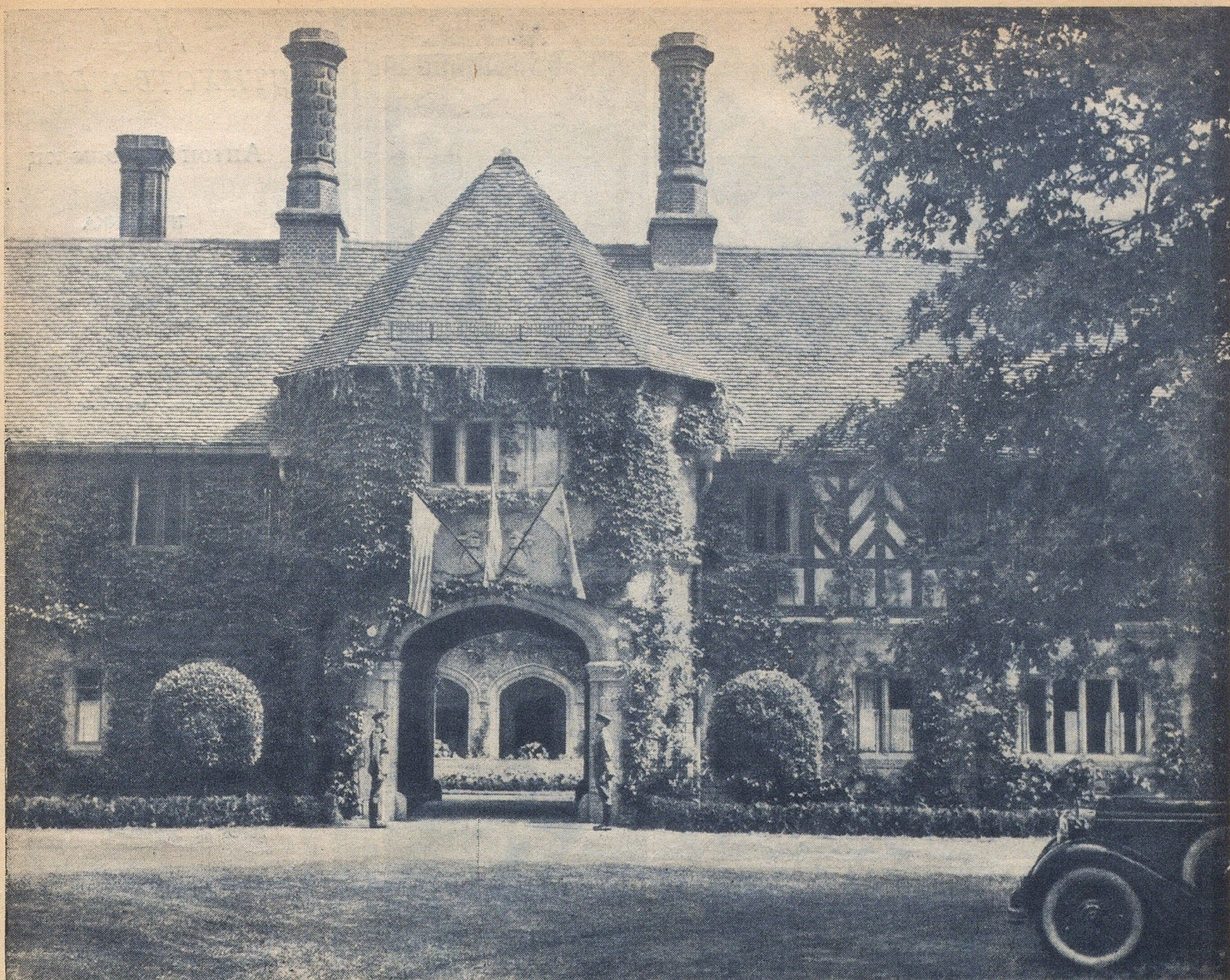
Государственные флаги СССР, Соединённых Штатов Америки и Великобритании развеваются над входом в Сесилиан-Хоф, где происходила Берлинская конференция трёх держав (см. стр. 2—3).

Фото С. Гурарий.

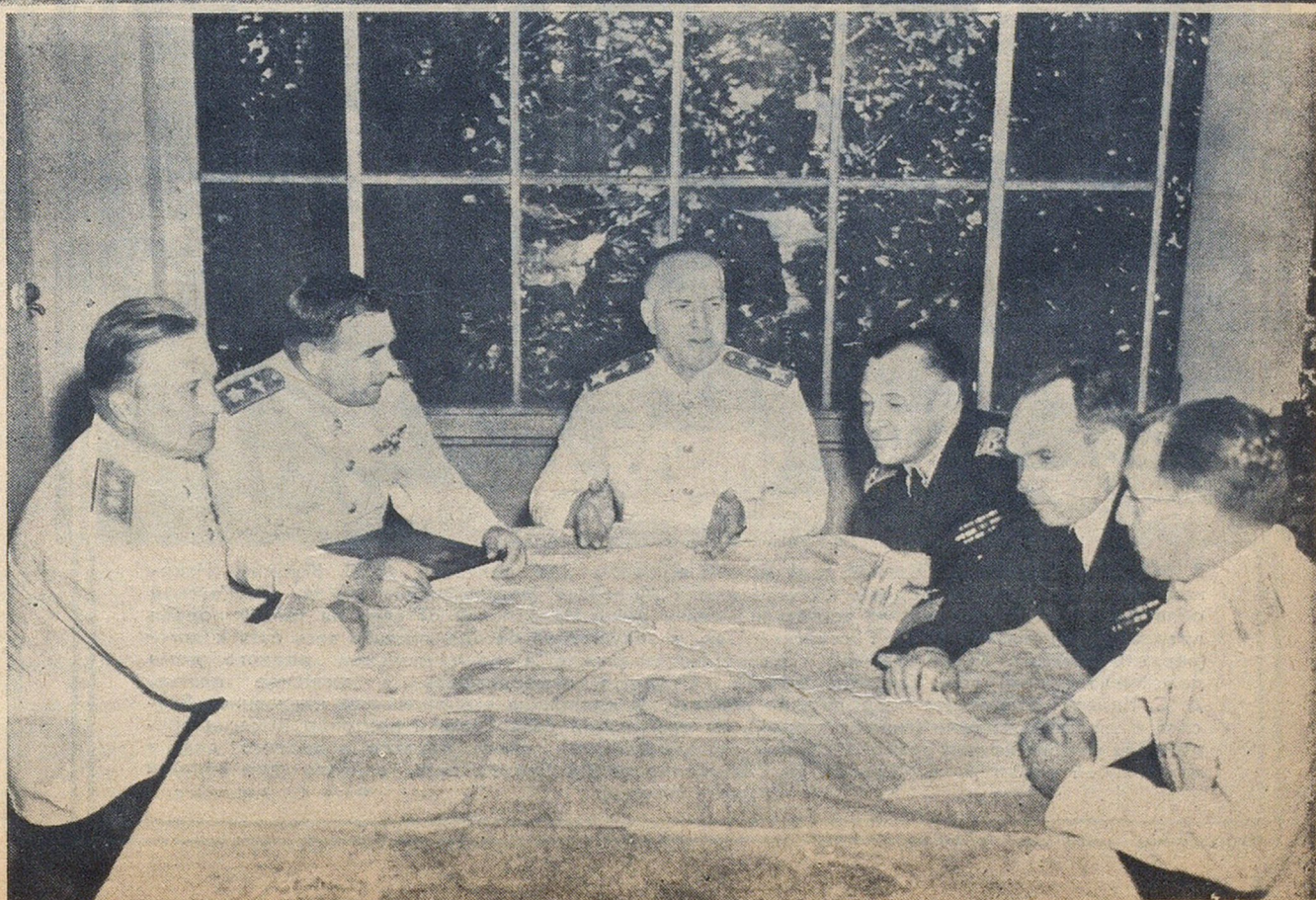

↑
И. В. Сталин, г-н Г. С. Трумэн
и г-н К. Р. Эттли.

←
Народный комиссар иностран-
ных дел СССР тов. В. М.
Молотов и государственный се-
кретарь США г-н Д. Ф. Бирнс.

↑
Сесилиан-Хоф. Здесь происходила с 17 июля по 2 августа Берлинская конференция трёх держав.

→
Представители советского военного командования (справа налево): генерал армии Антонов, адмирал Кучеров, адмирал флота Кузнецов, маршал Советского Союза Жуков, маршал авиации Фалалеев, генерал-лейтенант Славин.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Антон Пришелец

ТРОПИНКА

Голубое платьице,
Глазки-васильки.
Тёплый ветер ластится
У твоей щеки.

Клонится, качается
У тропинки рожь.
Счастье повстречается,
В сторону ль свернёшь?

Василёк с колосьями
Шепчет о любви.
Не к тебе ли просится:
Подойди, сорви!

Только он не около —
Как его сорвёшь?
Рожь стоит высокая,
Поломаешь рожь.

А навстречу издали,
Только сердце — ёк! —
Васильки лучистые
Видят: паренёк!

Посмотрел он в синие
В два твои цветка. —
Для кого цвели они?
А тропа узка.

Рожь шумит-качается...
Ой, густая рожь!
Счастье повстречается,
Мимо ли свернёшь?

НА РЕЧКЕ

Хорошо, когда ты молод
И подружка молода!
Под веслом твоим весёлым,
Как стекло, звенит вода.

Льётся речка.
Вдоль по речке
Лодки, лодкам нет числа.
Капель тонкие колечки
Осыпаются с весла.

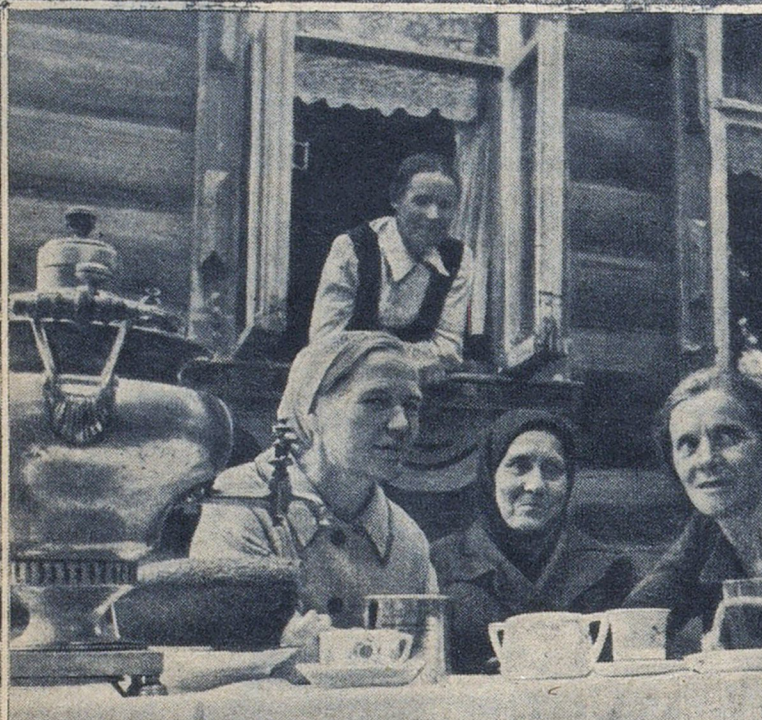
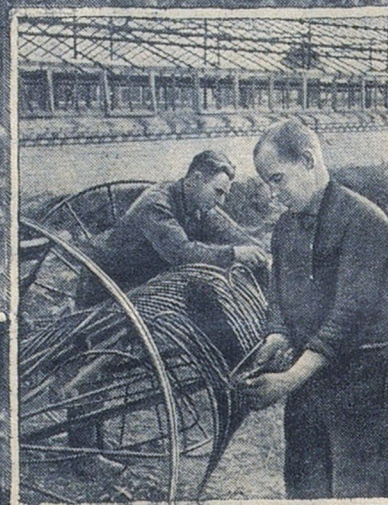
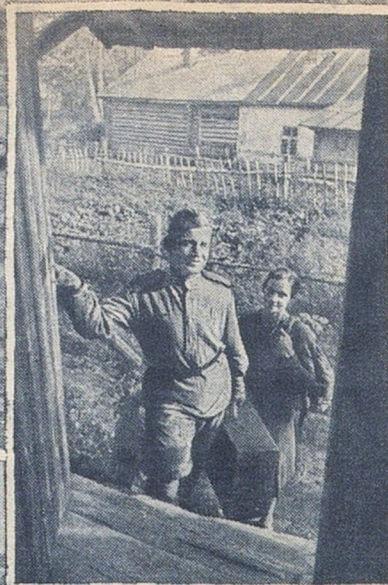
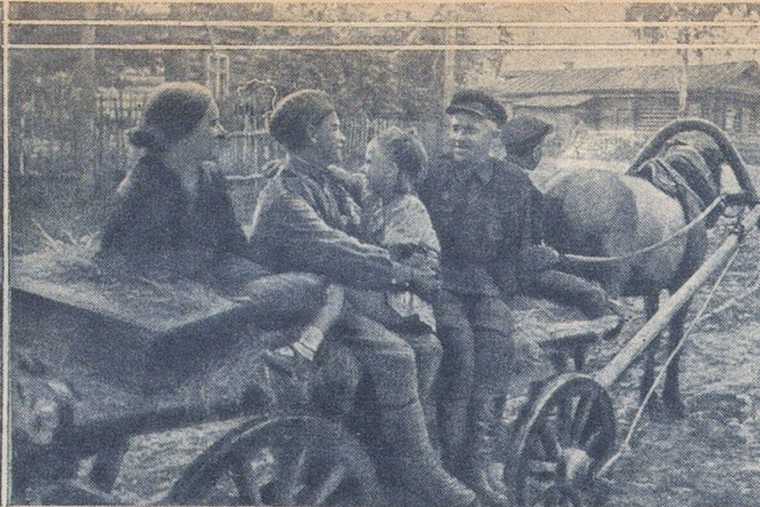
Чайка крылья заломила,
Будто сердце сжал испуг.
Эти крылья,
Как у милой
Брови, вскинутые вдруг.

Берег зеленью густою
Встал навстречу, на пути.
Но тревожиться не стоит:
Он, конечно, пошутил.

Он отступит, уступая
Путь байдарке голубой, —
Только пёстрых листьев стая
Проплывёт над головой.

Хорошо, когда ты молод!
Для тебя со всех сторон
Песни птиц
И пчёл весёлых
И зелёных листьев звон.

И плывут в речные глубины
Солнце, воздух голубой...
Хорошо, когда ты любишь
И любимая с тобой!

В РОДНОМ КОЛХОЗЕ. Четыре года мечтал об этом дне понтонёр Д. С. Конягин. Наконец, он снова дома, в родном колхозе имени Молотова (Мытищенский район, Московской области). На станции Конягина встретили жена и дочь. Неподалеку от села на телегу подсел председатель колхоза В. И. Российский. Так, в душевной беседе, прошёл весь путь к дому (верхний снимок). Вздвигнутый и радостный поднимается по ступенькам родного дома демобилизованный воин (снимок справа). Отдохнув, переодевшись в штатское платье, Д. С. Конягин отправился побродить по колхозу. У малинника его окликнула колхозница Власова и угостила ягодами (снимок второй). На следующий день бывший понтонёр Конягин принялся за ремонт конных граблей (снимок справа). Вечером, после первого трудового дня, в кругу своей семьи Д. С. Конягин рассказывал о своём боевом пути, славном пути солдата (нижний снимок). Фото С. Короткова.

Стояла весна.

Одна из тех весен, что украшают землю; сто таких весен пережил поэт радости и грусти — Саади.

Рано утром пробудился Саади; он вышел в цветущий сад на берегу реки Роннабад, чтобы снова слушать соловьиную песню и снова увидеть чудо весны.

Посмотрел он на Ширазское поле, разукрашенное дарами роз и погружённое в утреннюю дремоту, — оно было окутано благоухающим туманом.

Присел Саади под цветущий жасмин, на испаганский коврик, подержал в трясущихся пальцах едва раскрывшийся красно-зелёный бутон розы и тихо прошептал:

— Как юная дева улыбается припавшему к ней возлюбленному, так роза раскрывает свои уста утреннему ветерку.

Хоть и очень состарился Саади, но душа его полусонными глазами и ушами продолжала видеть и слышать чудесные явления и образы мира, песни и безмолвие неведомых далей: ведь всё ещё беседовал с ним волшебный дух поэзии — птица Змрухт, свившая гнездо своё на вершине горы Каф, в царстве звёзд...

Заливались светлоглазые соловьи в сером оперении; они распевали свои чарующие песни, воспламеняясь огнём любви, — и пели они у Саади в сердце.

Девственное дыхание нежного ветерка напеattyвало розам приветы, принесённые от дальних влюблённых роз, и читала душа Саади эти любовные признания...

«Любящему сердцу всегда понятны те слова, что слышатся в природе. Мир полон гармонических созвучий. Мир порхает в бессмертном и любовном опьянении», — припомнились Саади его собственные давнишние слова.

Погрузившись душой в соловьиное пение и прелесть алых роз, жадно вдыхал Саади их упоительное благоухание и, опьянённый им, закрыл глаза; и в душе своей увидел мир, как во сне.

Увидел тихие реки Индии, осенённые священными лотосами.

Увидел мудрых слонов, что задумались в чащах джунглей. И в златотканых чертогах Дели увидел обаятельных дев с алыми цветами в тёмных, как ночь, волосах.

Увидел дышащие бурей равнины Турана и взрывающихся на крыльях бурь грозных злодеев с пламенными мечами.

Увидел он и пустыню, опалённую зноем, конных бедуинов, несущихся за быстрыми сернами под взором парящих орлов.

И бесконечные караваны богомольцев увидел он; увидел он их коленопреклонённых, молящихся и поющих перед вратами Мекки.

И увидел славные своей древностью чудеса Египта, и синие кристаллы безграничных морей; и бархатных дев из Дамаска с их лунными телами; их гибкие, обольсти-

Аветик Исаакян (род. в 1875 г.) — здравствующий классик, славное 70-летие которого недавно отметил Советский Союз.

Ещё в 1916 году Александр Блок писал: «Поэт Исаакян — первоклассный; может быть, такого светлого и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет...»

Аветик Исаакян в то же время считается выдающимся мастером и в области прозы. Отличительные особенности его прозы: стройность сюжета, эмоциональная яркость в обработке материала и отточенность языка.

тельные руки, словно ожерелье, обвивали шею молодого Саади...

Саади со вздохом открыл глаза.

— Увы, мои сто лет промчались сладким сном, видением одной ночи; годы пролетели, как миг, потому что вы всегда были спутниками мне, вы, сказки, вы, соловьи и розы, и вы, сёстры роз, полные неги девушки.

Из небесных садов, сверкающих обилием цветов, пробивалось солнышко, и травы и листья, камни и скалы заискрились, потому что ночь осыпала их всех алмазной пылью. Саади посмотрел вокруг взором глубоким и пронизательным; взглянул на голубой небесный полог, на птиц, паривших в золоте зари.

Взглянул удивлённо и восторженно.

— Да, мир — это чудо, сказка; он бесконечно прекрасен и удивителен. Каждый день гляжу я на мир и каждый день изумляюсь, словно вижу его впервые; мир привычный и в то же время чудесный, мир старый и вечно новый, новый какой-то бессмертной и невыразимой прелестью, равной только самой себе.

Саади снова взглянул на мир, на многообразную и волшебную игру природы, когда бросились ему в глаза две горлинки, переступавшие коралловыми ножками на зелёном лугу, сладостно ласкаясь; и опять заговорил Саади сам с собою:

— Мир заколдован, всё в нём очаровано волшебной палочкой незримой кудесницы, и всё превратилось в сказку.

Мир стремительно течёт, умирает и преобразается; но что же снова созидает и строит тот великодушный мир и рассказывает перед нашей душой эту чудесную сказку?

Что заставляет серну с сердцем, истомлённым любовной жаждой, карабкаться на острые скалы, разбивая рога о камни?

Что заставляет розу разрывать свой изумрудный панцирь и сладостно благоухать?

Что заставляет человека пробиваться из неизвестности и обретать плоть и кровь для того, чтобы думать и страдать, чтобы чувствовать пламень опаляющих нас желаний и никогда не хотеть смерти?

О любовь, ты, ты несокрушимая власть, ты сладостный тиран, я давно знаю тебя!

Однако я никогда не мог уразуметь твоей глубины и твоей сущности...

И прозорливой душой Саади понял, что он переживает свою последнюю весну.

Последнюю весну.

Дверца сада распахнулась.

Отдавая ласкам ветерка белое, как туман, тело, вошла Назиат, любимая ширазка, что часто навещала поэта.

Уста её, опьянявшие, как вино, белизна и жар её обнажённых рук не раз улаживали бессонные ночи Саади.

Поэт любил её всем своим юным неуязвимым сердцем, начертая золотыми буквами её образ в бессмертном «Гюлистане»...

Назиат с охапкой роз подошла к Саади и, сама благоухая, как роза, приветствовала его.

Грустен был Саади. Печаль осеняла его бледные уста.

— О чём грустишь ты, счастливейший из смертных?

Саади молчал.

— Я люблю твою грусть, о Саади, грусть твоя мудра: ведь ты говорил своими божественными устами, что жемчуг родится из раны и что ладан, сгорая, сладостно благоухает.

Саади с поблекшей улыбкой взглянул на Назиат.

— Посмотри, я принесла тебе розы, эти бархатные розы из моего сада.

И она засыпала Саади розами, и кончиками светлых пальцев коснулась грустного чела поэта.

— Розы, что ты мне дарила, о дева рая, были всегда лучшими розами на свете и никогда не увядали.

— Да, Саади! «Зачем, вдыхая аромат розы, думать о её мгновенности? Помни её благоухание, и тогда легче забудешь, что она уже давно увяла».

Серебряным голосом повторила Назиат давние слова поэта.

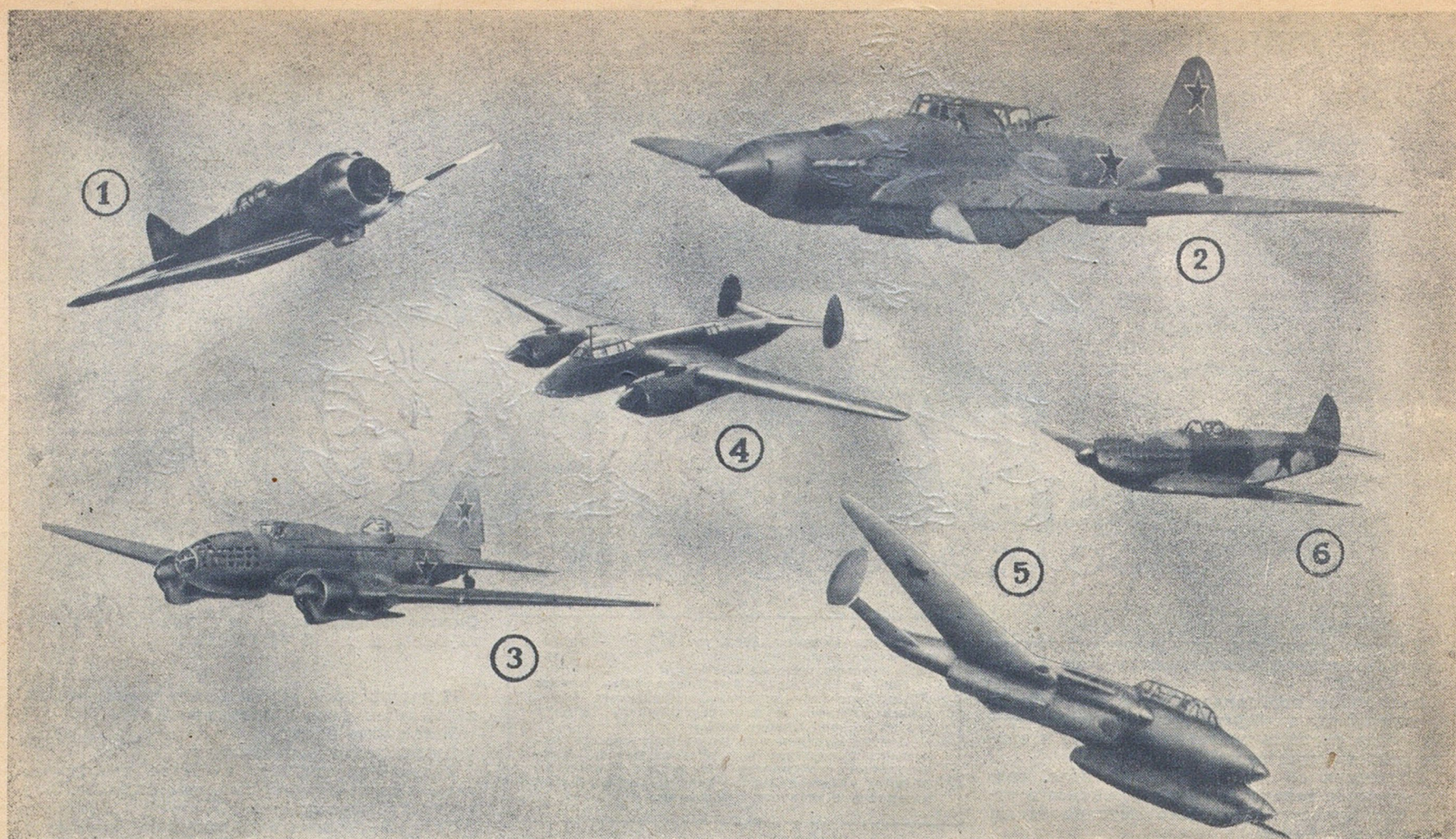
И её навевающие дремоту волосы рассыпались по плечам, когда она опустилась перед поэтом на колени; и поднялся в саду, взвывая радужными крыльями, душистый ветерок, — то чудесные крылья птицы Змрухт трепетали в воздухе, когда Саади дрожащей рукой гладил дышащие сном волосы Назиат.

И потом Саади из глубины души бросил взор на пылающий вокруг сказочный мир, взглянул на светлую улыбку чудо-девы, и горячая слеза обожгла его старое сердце; и, взяв маленькую руку девушки, он поцеловал её и приложил к своей груди.

— Запиши на последней странице моего «Гюлистана» своими маленькими пальцами мои последние слова:

«Рождаемся невольно, живём удивляясь, умираем тоскуя».

Перевёл с армянского
Я. ХАЧАТРИАНЦ

1. Истребитель «Лавочкин». 2. Штурмовик «Ильюшин-2» («Летающий танк»). 3. Бомбардировщик дальнего действия и торпедоносец «Ильюшин-4». 4. Бомбардировщик «Туполев-2». 5. Двухмоторный пикирующий бомбардировщик «Петляков-2». 6. Истребитель «Яковлев».

ТОРЖЕСТВО СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ

В. Темко

В Великой отечественной войне 1941—1945 годов советский народ одержал победу всемирноисторического значения. В достижении этой победы исключительно большую роль сыграли военно-воздушные силы Красной Армии.

Товарищ Сталин дал следующую оценку боевой деятельности нашей авиации:

«В воздушных битвах с врагом наши лётчики показали беспримерную доблесть, героизм и мужество, а командиры и начальники — умение и военное мастерство в руководстве воздушными операциями.

В итоге наша боевая авиация имеет теперь полное господство в воздухе над авиацией врага».

Выпестованная нашей партией и товарищем Сталиным ещё до войны блестящая плеяда конструкторов самолётов, моторов и авиационного вооружения — Ильюшин, Лавочкин, Яковлев, Туполев, Микоян, Швецов, Климов, Микулин, Шпитальный, Березин, Суранов, Нудельман и другие — в дни войны дали фронту совершенные образцы боевых машин всех типов: истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков, — снабжённых прекрасными моторами и оснащённых мощным вооружением.

Наши «Яковлевы», «Ильюшины», «Лавочкины», «Петляков-2» не только не уступают, но во многом превосходят немецкие истребители и бомбардировщики — всех и всяких «Мессершмиттов», «Фокке-Вульфов», «Юнкерсов» и «Хейнкелей».

Показателем успехов наших авиаконструкторов является тот факт, что в первом ряду знаменосцев передовой науки — лауреатов Сталинской премии — мы видим имена конструкторов, хорошо знакомых всей стране по названиям их самолётов.

Герой социалистического труда, повторно удостоенный Сталинской премии 1-й степени, А. С. Яковлев смело может быть назван лидером конструкторов советской истребительной авиации.

Истребитель — это оружие атаки. Лётчик-истребитель призван вести наступательные бои. Задача истребителя — уничтожение самолётов противника в воздушном бою. Наши лётчики-истребители поддерживали действия наземных, морских и воздушных сил, защищали наши города от нападения фашистской авиации.

Истребитель «Яковлев» обладает рекордными данными по скорости, маневру, дальности и мощи вооружения. Эта маленькая, юркая машина пользуется исключительной популярностью среди наших лётчиков.

Когда французским пилотам из эскадрильи «Нормандия», сражавшимся на советско-германском фронте, предложили выбрать себе тип самолёта, они остановились на «Яковлеве».

За последние два года А. С. Яковлев дал образцы истребителей, самых лёгких в мире, очень маневренных и вооружённых авиационными пушками. Конструктору удалось значительно увеличить скорость истребителя по сравнению с первым годом войны. Им созданы в ходе войны дальние истребители сопровождения, их дальность увеличилась в несколько раз, также повышена их огневая мощь.

На истребителе «Лагг-3» Героя социалистического труда, лауреата Сталинской премии С. А. Лавочкина наши лётчики сражались с врагом в первые же дни войны.

Результатом изучения С. А. Лавочкиным работы самолёта в боевых условиях и испытания конструктор в фронтовой обстановке явился первоклассный истребитель «Лавочкин-5». По своим боевым качествам, по скорости и маневренности, а также по мощи огня «Лавочкин-5» значительно превосходит новейшие усовершенствованные модели немецкого истребителя «Фокке-Вульф-190».

На последнем этапе войны «Яковлевы» и «Лавочкин-5» стали подлинными хозяевами неба над Германией.

В советских воздушных силах одно из основных мест занимает бомбардировочная авиация. Взаимодействуя с наземными войсками и морским

флотом, выполняя в сложных условиях самостоятельные задачи, бомбардировочная авиация бьёт врага на поле боя и на подходах к нему, разрушает тылы и коммуникации противника, совершает нападения на его аэродромы, склады горючего и боеприпасов, на транспортные суда, проводит рейды в глубокие тылы противника с целью подрыва его военно-экономической мощи.

С самого начала войны на вооружении военно-воздушных сил Красной Армии находится пикирующий бомбардировщик «Петляков-2». Эта машина обычно применяется для бомбардировки так называемых точечных целей (железнодорожные мосты и т. п.). Пикировщик «Петляков-2» действует и как дальний разведчик.

История роста и развития советской бомбардировочной авиации связана с именем выдающегося авиаконструктора Героя социалистического труда С. В. Ильюшина, создателя мощного бомбардировщика с большой грузоподъёмностью и дальностью полёта. На двухмоторном бомбардировщике «Ильюшин-4» было нанесено много ударов по глубокому тылу гитлеровской Германии.

С. В. Ильюшин удостоен Сталинской премии за свои выдающиеся заслуги в создании бронированного самолёта-штурмовика, равного которому не имеет ни один воздушный флот в мире.

Штурмовая авиация поддерживает свои войска на поле боя; штурмовики

используются также для нанесения ударов по авиации противника на её аэродромах, по войскам и всем видам транспорта врага в его ближнем тылу. Штурмовики обычно обрушиваются на врага внезапно, атакуя с малых и средних высот.

Замечательным творением конструкторской мысли является штурмовик «Ильюшин-2», скоростной самолёт ближнего боя с мощным вооружением и бомбовой нагрузкой.

До такой грозной, живучей и высококачественной машины не додумался ни один конструктор ни в одной стране. Эта блестяще реализованная конструктором идея создания советского штурмовика подсказана С. В. Ильюшину товарищем Сталиным.

«Летающий танк», — любовно окрестили эту машину советские пехотинцы.

Исходя из необходимости борьбы с немецкими танками не только на земле, но и при помощи ударов с воздуха, товарищ Сталин требовал исключительного внимания этому «самолёту поля боя». В своей телеграмме на имя директоров заводов, строящих «Ильюшин-2», товарищ Сталин писал:

«... Самолёты «Ил-2» нужны нашей Красной Армии, как воздух, как хлеб».

По отзыву А. С. Яковлева, появление отважных советских лётчиков на «Ильюшинах» над германскими танковыми колоннами внесло существенную поправку в теорию танковой войны генерала Гудериана.

В течение войны С. В. Ильюшин улучшил свой штурмовик, вследствие чего он стал ещё более грозным не только для вражеских наземных войск, но и для авиации противника.

Успехи наших конструкторов — это победа советской технической мысли и нашей авиационной науки над технической мыслью и наукой фашистской Германии. Немцы не смогли внести эффективных изменений в конструкцию своего нбвейшего истребителя «Фокке-Вульф-190». Самолёты, применявшиеся ими для штурмовки, не могли идти в сравнение с нашими «Ил'ами».

Достижения советской авиационной техники, как и всё победное, всё великое в жизни советского народа, неразрывно связаны с именем великого Сталина.

Советские авиастроители оправдали и в дальнейшем оправдают доверие и заботу советского народа и великого Сталина. Обогащённые громадным опытом, накопленным в ходе Великой отечественной войны, наши творцы авиационной техники дадут родине ещё более совершенные боевые самолёты.

Советские лётчики, заслуженно названные сталинскими соколами, завоевали полное господство в воздухе. Они изгнали немецкую авиацию с полей воздушных сражений. Гитлеровские воздушные пираты, которые надменно грозили завоевать мировое господство в воздухе для германского империализма, потерпели полное поражение в борьбе с советской авиацией. Наш воздушный флот, оснащённый первоклассной техникой и руководимый выдающимися полководцами, насчитывающий в своих рядах тысячи и тысячи замечательных лётчиков — непревзойдённых мастеров воздушного боя, — занял одно из первых мест в мировой авиации.

На полях битв в Европе советское воздушное оружие было увенчано новой славой. Советские лётчики нанесли полное поражение воздушной силе агрессивной Японии.

К Р Ы Л А Т Ы Е Б О Г А Т Ы Р И

Н. И. Найдёнов,

заслуженный лётчик СССР

История современной авиации так коротка, что почти целиком укладывается в живой памяти одного поколения.

Я летаю всего тридцать лет — в сущности, совсем немного. Наука об авиации стремительно летит вперёд на крыльях своих самолётов. Скорости и высоты возрастают с такой неистовой быстротой, что всё то, что ещё несколько лет, а пожалуй, и год назад казалось недостижимой мечтой, сегодня претворяется в действительность.

На моей памяти шли споры, в наши дни звучащие несколько наивно, о том, кому принадлежит будущее — аппаратам легче или тяжелее воздуха: дирижаблям, аэростатам, воздушным шарам или аэропланам. Даже современный планер куда крепче и солиднее той хрупкой игрушки из жёрдочек, тросов и полотна, на которой первые авиаторы отваживались подниматься в воздух в начале нашего замечательного века.

Первые русские лётчики пришли в авиацию из спорта. Многим тогда казалось, что это главным образом новый, блестящий и увлекательный вид соревнования. Уточкин, Ефимов, Гризодубов были прежде всего спортсменами. Мысли о колоссальном практическом, военном, хозяйственном значении аэроплана пришли позже.

От науки, от глубокой убеждённости в безукоризненной точности математических расчётов пришёл в авиацию великий русский лётчик Нестеров, герой первой мировой войны.

Он не только умел и дерзал, — он знал, что можно уметь и дерзать, что нужно быть смелым, доказывая в воздухе блестящую математическую теорему. Нестеров погиб достойной, почётной смертью воина, оборонявшего своё отечество. И мы чтим его имя, имя лучшего представителя русской воинской чести эпохи первой мировой войны.

Я летаю всего тридцать лет. Для науки, для стремительно прогрессирующей техники, для авиации, тридцать лет — маленький срок, для лётчика — порядочный. Вот я встречаю старых друзей, с которыми когда-то вместе летал. Многие работают в научно-исследовательских институтах, лабораториях. Их многолетний опыт колоссален. Сумма практических знаний многих уже давно превратилась в теорию, тщательно изучаемую молодыми. А я всё ещё держусь за ручку, летаю, потому что для меня нет и не может быть никакого дела, более приятного и полезного, чем летать. Я представитель ещё первого поколения русских лётчиков, пришедших от спорта. Я был чемпионом России по академической гребле, когда начали летать. По зимам, тогда это было нелётное время, брал призы по конькам. Участвовал в одном из первых больших перелётов по маршруту Москва — Пекин. Тогда, в двадцатых годах, расстояние и срок перелёта были рекордом.

А потом пришло время знаменитой челюскинской эпопеи, прославившей имена советских лётчиков на весь мир. Первыми лучшими гражданами советского отечества, которым было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, были лётчики.

В русской авиации, с начала её и до нынешних дней, два основных фактора создавали успех: мысль конструктора и воля лётчика.

Русские конструкторы всегда были самыми передовыми в мире и успешно соревновались в оригинальности замысла, в удачном практическом разрешении теории и идеи с конструкторами других стран, отлично технически оснащённых.

Русские лётчики всегда были смелыми людьми, способными на подвиг и героизм, азартными в соревновании, в достижении высоких результатов. Пока самолётов было немного, и лётчиков было немного. Самый факт, что человек выбирал профессию лётчика, уже расценивался, как свидетельство особенной смелости, почти героизма. Но количественное и качественное изменение в авиации, колоссальный технический прогресс её и рост потребовали иного воспитания лётчика. Справедливо и по заслугам народ зовёт советскую авиацию сталинской и советских лётчиков — сталинскими соколами. Мудрая, всепроникающая мысль вождя определила и направила пути русских авиационных конструкторов на многие годы вперёд. Сталинская воля воспитала поколение, способное к массовому подвигу и героизму, поколение людей сильных, смелых, уверенных в себе, высококультурных, способных к усвоению труднейших технических знаний, — здоровое поколение, чётко и спокойно работающее при наивысшей физической и психической нагрузке — непременном условии каждого полёта.

Разительным примером прозорливости вождя, замечательного благотворного влияния сталинского слова является судьба великого лётчика нашего времени Чкалова.

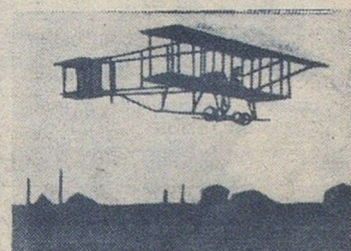
Чкалов говорил: «Вовремя поданная рука друга, отца, сделала меня тем, что я есть теперь».

Сталинская воля воспитала волю Гастелло, дала сотням и тысячам советских лётчиков, героям Великой отечественной войны, силу, мужество, умение к совершению замечательных дел. И если от первой войны с Германией у всех в памяти чётко отпечатались всего одно имя — Нестеров, — то для перечисления одних только имён героев второй Великой войны не хватило бы многих страниц.

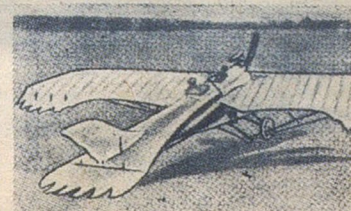
Из истории нашей авиации

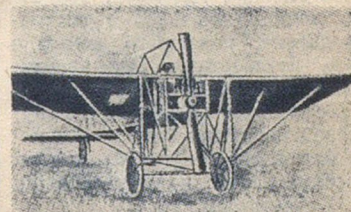
Первый русский военный лётчик поручик Е. В. Руднев.

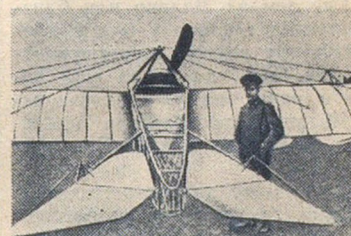
8 марта 1910 года на окраине Одессы первый русский лётчик Михаил Ефимов совершил свой первый полёт.

Инженер-электрик Я. М. Гаккель был одним из первых в России конструкторов, самостоятельно разработавших и построивших ряд самолётов. На нашем рисунке показан моноплан конструкции Гаккеля.

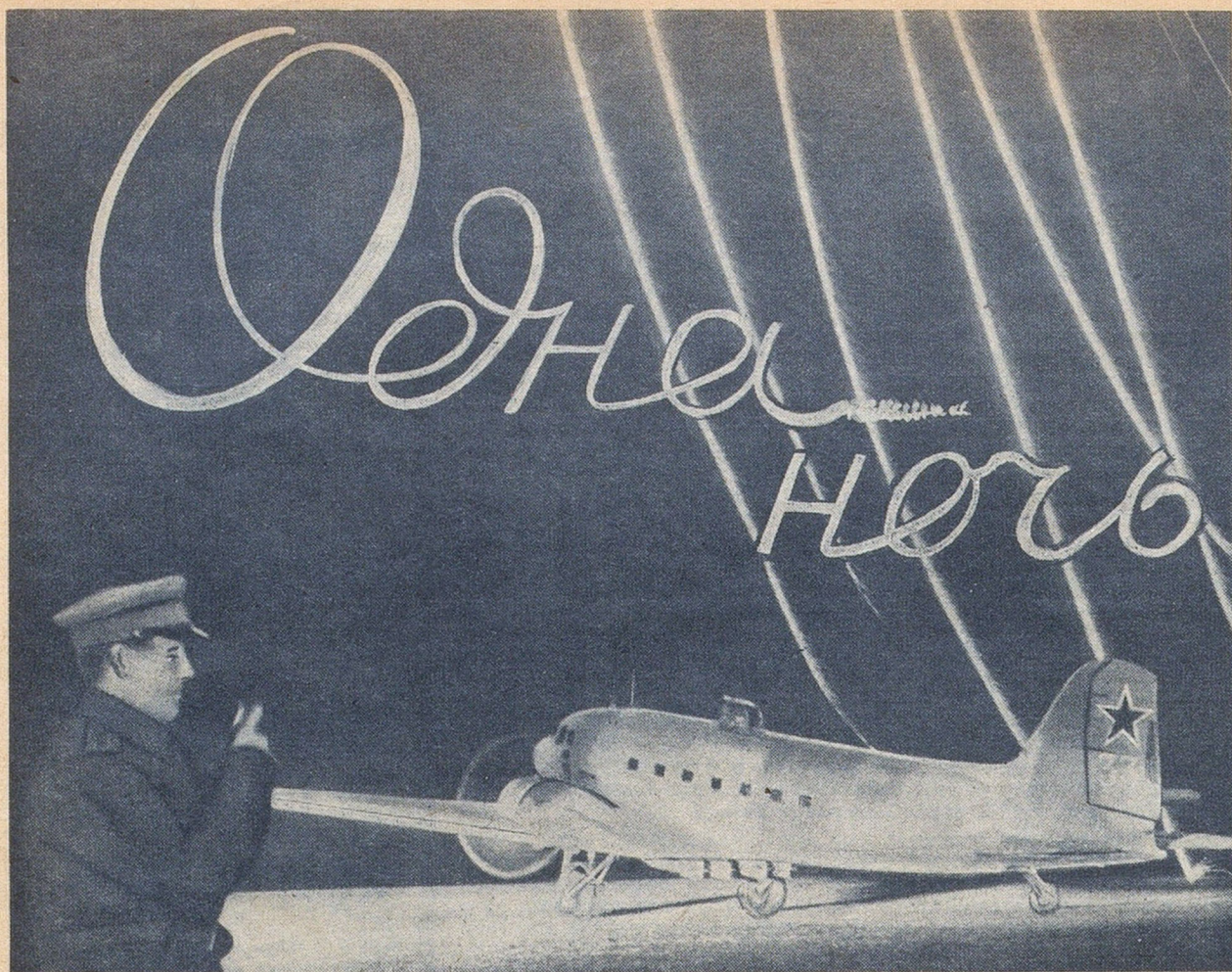
С. В. Гризодубов (отец Героя Советского Союза В. С. Гризодубовой) был одним из первых русских строителей аэроплана. На рисунке — моноплан конструкции Гризодубова.

Знаменитый русский лётчик, творец мёртвой петли, П. Н. Нестеров работал над проектированием самолётов. На нашем снимке показан П. Н. Нестеров у экспериментального самолёта своей конструкции.

Лётчик Дыбовский, известный смелыми полётами над морем, сконструировал моноплан, на котором принимал участие в военном конкурсе аэропланов в 1913 году.

В ночной полёт.

Фото М. Редкина

Евгений Кригер

Об этом трудно рассказать. Сами лётчики, во всяком случае, затрудняются точно передать свои первые ощущения. Всё очень просто и в то же время сложно. Пожалуй, это отдалённо можно сравнить с состоянием человека, попавшего ночью в большую, неизвестную ему квартиру. Света нет. Совершенно темно. Через две минуты он забывает, откуда вошёл, и начинает беспокойно метаться, натыкаясь на стулья, столы, кресла, обращённые к нему острыми углами. Катастрофа!

Молодому лётчику, впервые вылетающему в самостоятельный ночной полёт, катастрофа чудится при каждом обороте винта. Пространство надвигается на него сплошной чернотой. Где земля? Далеко или близко? Прямо идёт самолёт или с креном? Набирает высоту или снижается? Может быть, до земли ещё далеко? Но если она уже здесь, рядом? Чёрное пространство надвигается с воем. Где земля? Где земля?

Если парень «с характером», он с этим справится несмотря на ощущение слепоты при первом полёте. Есть такое слово: надо.

— Надо, — сказал инструктор Андрею Бирюку, и Андрей Бирюк вылетел ночью в первый самостоятельный полёт.

Ночью добрая половина правил вождения самолёта оказалась вывернутой наизнанку. Вместо резко обозначенной дневной линии горизонта Бирюк увидел, взлетая, едва ощутимую глазами призрачную полоску, отделяющую тёмное небо от чёрной земли. Он успел всё же зацепиться за какую-то деталь на горизонте, силуэт дерева или далёкой колокольни, и вытянул самолёт вверх и тут же потерял землю. Потеряв землю, Бирюк потерял бы всякое представление о положении самолёта, если бы не приборы. Он перешёл на полёт

по приборам. Но всё время его не оставляло проклятое ощущение, что самолёт идёт не прямо, а боком и неизвестно, где земля: далеко или чуть ли не под колёсами машины?

Современный лётчик осваивает особое, «ночное» ощущение пространства, приучается различать слабое мерцание наземных ориентиров — речек, белых шоссе, дорог. Но обычные дневные ощущения при ночных полётах так и останутся вывернутыми наизнанку. Зрению особенно доверяться нельзя. Больше следует верить приборам.

Гвардии старший лейтенант Андрей Павлович Бирюк совершил свой первый ночной полёт в 1943 году. В дни войны он пёс службу в эскадрилье гвардии капитана Алексея Павловича Иващенко. Дежурства по готовности номер один, воздушные засады, патрулирование на вероятных маршрутах противника. Служба как служба, и обычное время её — ночь. Когда-то отец Бирюка говорил ему, усмехаясь:

— Аэроклуб ты, пожалуй, закончишь, но чтоб летать стал, не верю! В роду у нас все землеробы, ничего такого воздушного в них нету, а ты вдруг — летать!

Я хочу рассказать о событиях одной только ночи, чтобы поверил старший Бирюк в своего двадцатидвухлетнего сына.

Одним из первых взлетел в ту ночь гвардии капитан Иващенко, командир той самой эскадрильи, в которой служит Бирюк. События ночи будут яснее читателю, если я расскажу сначала о ночном бое гвардии капитана Иващенко. В одиннадцать часов его разбудил телефонный звонок с командного пункта:

— Вылетай!

— Куда?

— На отражение налёта. Быстро!

Через семь — восемь минут капитан был в воздухе. На земле он никаких дополнительных данных не получил. В небе он застал настоящий карнавал. На разных высотах немцы сбросили десятки осветительных бомб. Сноп мертвенно-белого света стоял в воздухе почти неподвижно. Рассекая мглу, скрещивались беспокойные, ищущие лучи наших прожекторов. На земле металось багровое пламя, начинались пожары. Немцы бомбардировщиков не было видно. Но бомбы рвались внизу. Значит, немцы где-то здесь, рядом, их надо найти.

Ночь выдалась тёмная. Рваные облака плыли на высоте в полторы тысячи метров. Иващенко по радио запросил обстановку. Ему ответили, что 130 немецких бомбардировщиков рвутся сразу к двум городам, разделённым расстоянием в 35 километров. Капитану приказали уничтожить «плошки» — висящие на парашютах осветительные немецкие бомбы.

Иващенко был огорчён. Он искал настоящей встречи с бомбардировщиками, а ему приказали разделиться с немецкими «плошками». Иващенко послушно атаковал «плошки», с дистанции в 25—30 метров расстреливал парашютики, и немецкие свечи, вспыхнув напоследок ярким предсмертным огнём, камнем падали вниз. Наконец, гвардии капитан взмолился по радио, чтобы его допустили к настоящей работе, и его спустили.

Ночной бой в воздухе — это бой одиночный. Истребитель чаще всего нападает один прежде всего потому, что каждый из самолётов противника также действует самостоятельно.

Капитан поднялся на высоту в три тысячи метров и вошёл в зону ожидания — тула, где вероятнее всего можно было встретить идущие к цели корабли противника. В этом углу ночного пространства он устроился

хорошо: самолёт его был не в освещённой, а в тёмной стороне горизонта. Он постарался слиться со мглой так, чтобы немцы оказались перед ним на более светлом фоне, на западной стороне неба. Здесь он стал ходить туда и обратно, как ходит в своей клетке взволнованный, всегда готовая к прыжку пантера. Амплитуда этого качания самолёта в пространстве была небольшая, километров пять. Иногда Иващенко видел, как в зоне световых полей прожекторов поиска вспыхивал вдруг серебристый силуэт немца-бомбардировщика, но всё это было далеко от капитана. Иващенко продолжал качаться в своей тёмной клетке — пять километров вперёд, пять километров назад, туда и обратно.

Справа что-то мелькнуло и снова исчезло. Иващенко всматривался с таким напряжением, будто весь состоял только из глаз. Слабая, тёмная тень сгустилась во мраке. Да, да, это он, немец, его силуэт — «Хейнкель-111». Внимание! В ночном бою всё решает первая атака. Промаясь — и кончено! Враг снова провалится в темноту. Все прежние навыки, всё напряжение опыта, воли, охотничьего инстинкта нужно вогнать в одну эту атаку. Днём можно нацеливаться на врага хотя бы десять раз. Ночью — только один.

Два самолёта — немецкий и наш, самолёт Иващенко, — шли на встречно пересекающихся курсах. Тень быстро увеличивалась. Самолёты сближались. Чтобы не обнаружить себя, Иващенко отвернул, сделал разворот со снижением и пошёл за немцем на сто пятьдесят метров ниже.

Иващенко был доволен, что, разворачиваясь, не отстал от врага. Он держал немца, как прибитого, пока не натянул дистанцию до ста метров. Больше терпения у него не хватило. Стрелять! Стрелять всем оружием сразу, длинной очередью, хотя бы плавильщик пулемёты: второй атаки может не быть. Всем оружием сразу, и длинно!

Он был справа и видел, как во мглу вписываются жгуты трассирующих пуль. Они слегка слепили его.

— Спасибо, дьявол! — не слыша себя, закричал Иващенко, страшно довольный, что немец дал маху, стал уклоняться влево.

Уйдя он вправо, капитан потерял бы его. Немец быстро снижался, видимо, сбросил бомбы, и капитан тоже снижался, не выпуская врага.

— Понимаете, я оказался у немца внутри, — рассказывал он потом с нескрываемым удовольствием. — То есть мой самолёт оказался внутри кривой, которую немец описывал, идя со снижением. Я был у него прямо «в кишках». Я мог атаковать его вторично!

Иващенко снова бил справа и снизу, бил из пушки и пулемёта и снова слегка ослеп от светящегося жгута своей трассы. На крыле, в моторной части «Хейнкеля» вспыхнуло пламя.

Подбитый немец пытался уйти курсом на югозапад, отворачивая со скольжением вниз то вправо, то влево, короткими змейками. Но Иващенко упорно держался правой его стороны. Так они прошли, как привязанные, километром сорок. Стрелок у немца был ранен или оцепенел в этой страшной игре двух самолётов, — во всяком случае, он не отстреливался. На пятой атаке капитана «Хейнкель» врезался в землю. Огненный гейзер прыгнул вверх, видимо, при ударе у немца взорвались баки с горючим. Иващенко снова ушёл в высоту, маячил в зоне ожидания и снова рванулся в бой, когда один из прожекторов высветил из мрака второго немца. Иващенко приближался к нему, оставалось метров

пятьсот, как вдруг прожектор включили, диапазон его действия кончился. Второй немец ушёл, ночь закрыла его.

В те же часы в других зонах ночного воздушного боя трудились, искали удачу многие лётчики истребительного полка. Где-то рыскал и знакомый нам Андрей Бирюк, о котором отец его говорил, что нет в нём «ничего такого воздушного». Бирюк сидел на завалинке с дивичьей, когда сигнальная ракета швырнула его в тёмное небо.

Взлетел он с осветительными бомбами. Расставить их нужно было севернее объекта и тем спутать карты врагу. Бирюк сбросил часть бомб и спросил по радио, что делать дальше. Ему ответили коротко: «Уничтожай немцев!»

Бирюк до боли в глазах всматривался в темноту. Вот что-то плывёт. Туда, туда! Нет, это — облако. Некоторое время он воевал таким образом с облаками. Наконец, внимание, в одну минуту собравшее все его чувства в комок, подсказало ему: теперь вот настоящий немец. Бирюк зашёл к немцу слева, с тёмной стороны, и остался чуть ниже. Вдруг он вспомнил, что тяжело ему будет драться с грузом осветительных бомб. Запросил землю: «Что делать с бомбами, держу немца?» Земля ответила: «Сбрасывай!» Бирюк сбросил и с приятным чувством облегчения и свободы увязался дальше за немцем. Он вспомнил, как в начале учёбы ночное небо было для него крошечной загадкой, — где горизонт, где земля, всё плывёт на него, и в этом коловращении мрака судорожно бьётся его маленькое, ученическое сердце. Теперь он гонит в темноте ничего не подозревающего врага, теперь он готовится его сбить и собьёт.

Бирюк выдержал характер и дошёл сближение с врагом до дистанции в тридцать метров — дальше некуда. Из шести пулемётов сразу, сплошным навалом огня!

— Гляди, отец, хлебобоб атакует! «Хейнкель» вспыхнул весь сразу, как стог сухой соломы. Бирюк на секунду зажмурился: больно глазам. Попал прямо по мотору и бакам! «Хейнкель» немного задрал нос, тяжело перевернулся и перешёл в беспорядочное падение. Бирюк не стал снижаться за немцем, только накрепил слегка самолёт, смотрел, как немца мотает из стороны в сторону, и даже крикнул, когда «Хейнкель» достиг земли и превратился при ударе в пламя и дым. Бирюк тут же по радио сказал земле:

— В ноль часов ноль пять минут севернее объекта атаковал «Хейнкель-111», который загорелся и упал в

десяти—пятнадцать километрах от города.

Радиограмму с таким содержанием 22-летний старший лейтенант Андрей Бирюк передал первый раз в жизни. Она ему очень понравилась. Сын хлебобоба продолжал патрулировать. Хотелось ему послать земле ещё одну радиограмму, такую же.

Он вздрогнул. Снова всё напряглось в нём. Прямо на Бирюка выскочил в луче прожектора второй немец. Бирюк развернулся, зашёл немцу в хвост, справа и снизу, и сразу понял, что сделал ошибку, — нужно бы зайти не справа, а слева. Так немец может уйти от него в темноту. Боясь потерять немца, дал сгоряча очередь с трёхсот метров, получил в ответ ослепительный веер пуль с бомбовоза, увидел, как немец дал крутой разворот... и прикусил губу. Немец вырвался из луча и ушёл.

— Не спеши, — сказал сам себе сын хлебобоба и продолжал патрулировать.

Он перешёл на южную сторону от объекта. В неосвещённой зоне он увидел третьего за эту ночь «Хейнкеля». «Хейнкель» воровато уходил от объекта. Бирюк подошёл снизу и слева, дал с сорока метров очередь из всех пулемётов и выругался — промахнулся.

— Не спеши, чорт! — повторил он себе и увидел огненный снап, направленный в него с кормы бомбовоза.

Бомбовоз делал отворот со снижением влево. Бирюк сделал отворот покруче, чем немец, потерял его, загрустил и вдруг снова увидел: тот самый немец идёт. Бирюк перекинулся опять в левую сторону от него и опять атаковал из всех пулемётов.

У бомбовоза вспыхнул мотор. Немец снова вильнул влево, стараясь отвалить в тёмную сторону, и сын хлебобоба, довольный, что немец повторяет один и тот же приём, ещё круче немца отвернул влево, подобрался совсем вплотную и дал две очереди с двадцати метров. Немецкий стрелок замолчал, вероятно, был ранен или убит. Но живучий бомбовоз ещё летел с горящим левым мотором.

И так в темноте ночи два пилота — немец и наш — пытались обмануть друг друга, обмануть смерть. Бирюк не думал даже о том, где земля. Бирюк, боясь выпустить немца во мглу, повторял все его отвороты, вцепился в него, не отпускал, держал от себя вправо и вместе с немцем падал всё ниже к земле. Он повторил атаку четыре раза, и на пятой атаке немец врезался в землю. Бирюк едва успел взмыть от неминуемой встречи с землёй. Ему очень хотелось послать вто-

рую радиограмму. Теперь он мог послать её. Он буквально вдавил немца в землю.

Это было за много километров от города: так долго длилась охота. Радиосвязь со станцией прервалась из-за дальности. Остыв от напряжения боя, Бирюк соображал, где же он очутился. Ночь. Темно. Решил, что по расчёту времени и примерному направлению полёта в бою находится в сорока километрах от железной дороги. На малой высоте подошёл к полотну. Поезд, мирно следовавший к городу, окончательно ориентировал Бирюка. Всё в порядке. Поезд идёт к городу — значит, всё в порядке. Немцев отбили, город живёт. Кое-где догорали на земле наши и немецкие свечи. Вдруг Бирюк услышал в наушниках голос земли:

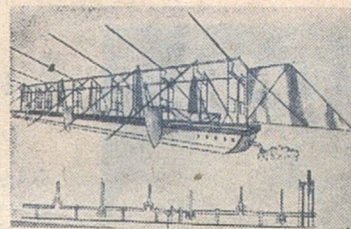
— Восемнадцатый, мы вас не слышим! Где находитесь? Где находитесь?

Земля о нём беспокоилась. Он не заметил, что пробыл в ночном бою два с половиной часа.

На командном пункте его встретили, как воскресшего из мёртвых. Там царил страшное возбуждение. Оглушённый начальник штаба стоял в толпе лёгчиков, дружно махавших руками в отчаянных попытках изобразить все маневры своих и немецких самолётов. В ту ночь лётчики полка сбили восемь бомбардировщиков. Липатов и Николаев в паре навалились на попавшего в луч немца и сбили его. И Бирюк вспомнил, что при этом его самого чуть не сбили. Не видя товарищей, он тоже шёл атаккой в лоб тому немцу, пока транссирующие пули не посыпались на него, и он отвернул, ушёл, а немец стал падать. «Это не я, это не я!» — бормотал в изумлении Бирюк, не успевший даже притронуться к пулемёту. Теперь выяснилось, что немца в луче пристукнули Липатов и Николаев. Липатов потом сбил ещё двух. Это была хорошая ночь.

Рассказал я о ней с тайной целью: у Бирюка есть старик, уверявший, что у сына его «нет ничего такого воздушного». А в городе Нальчике живёт мать Бирюка, которая, как все матери, беспокоится о сыновней славе. Сообщая старику-малверу и живущей в Нальчике матери: их сын, Андрей Иванович, оказался вполне подходящим для воздуха человеком. Даже для такого трудного воздуха, как воздух ночного боя. Передаю привет старикам от командира эскадрильи — гвардии капитана Алексея Павловича Иващенко. Он свидетельствует, что всё изложенное здесь мною — сухая правда.

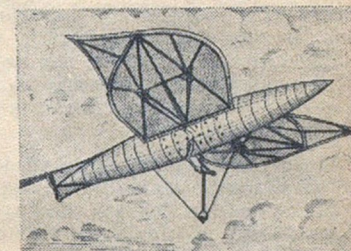
Из истории воздухоплавания

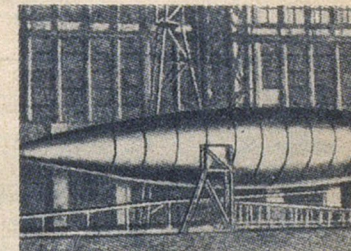
Проект аэростата с паровым двигателем впервые в России разработал Н. Архангельский. На нашем рисунке показана гондола аэростата Архангельского. На корме гондолы установлена паровая машина. Построить такой аэростат Архангельскому не удалось, но идея применения парового двигателя была развита учёными и изобретателями в XX столетии.

К концу 70-х годов в России организовалась небольшая группа лиц, стремившихся к развитию воздухоплавания. Идейными руководителями были Д. И. Менделеев, М. А. Рыкачёв и позднее — Н. Е. Жуковский. По инициативе этой группы было совершено несколько удачных полётов на воздушном шаре с научными целями. Участвовали и полёты с увеселительными целями. Наш рисунок изображает подъём воздушного шара в Петербурге в 1873 году.

Капитан О. С. Костович одним из первых в России разработал проект управляемого аэростата. В 1880 году Костович опубликовал такой проект (см. рисунок). Воздушный корабль сгаровидной формы имел по бокам крылья, которые должны были делать в минуту 12 двойных ударов. Оболочка наполнялась лёгким газом. Аэростат имел руль и винт. Предполагалось использовать на нём двигатель, работающий сжатым воздухом.

В конце 30-х годов К. Э. Циолковский начинает работать над проблемой цельнометаллического управляемого аэростата. Он разработал свой проект за десять лет до конструктора Цепелина. Только при советской власти Циолковскому удалось приступить к реализации своей идеи. В 1935 году была построена модель аэростата из нержавеющей стали, размером 1000 кубических метров.

САМОЛЕТ НАД НИВОЙ

Анатолий Кудрейко

Высокий колыхнется колос...
О лётчике жница поёт,
И кажется, слышит он голос —
Всё ниже идёт самолёт.

А, может, и слова не слышит,
А попросту сердце велит...
(Бьёт ветер, и крылья колыхет,
И пламя хлебов шевелит).

За это пшеничное пламя,
За солнце, что в колос вошло,
Он в небо врезался крылами,
Горяч, как его ремесло.

О нашем далёком походе,
О лётчике жница поёт,
Поёт, что сложили в народе,
Что сердце подскажет без нот.

А он? Он оглянет до края
Янтарный простор с высоты...
— Россия, — он скажет, — родная,
Со мною, любимая, ты!

Идёт он домой поднебесьем,
Сквозь смуглый полуденный зной
Над фабриками, над лесом,
Над милою поймой речной.

Артистка В. Полонская в роли Ливии (комедия «Укрощение укротителя»).

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОЙ СЦЕНЕ

Беседа с главным режиссёром театра имени Ермоловой
А. М. ЛОБАНОВЫМ

Укротитель строптивой Катарини овдовел и женился вторично. Но как не похож этот новый брак на первый! Роли переменялись — происходит укрощение укротителя. Мария не полюбит Петруччо, не станет его действительной женой, пока он не сделается новым человеком, пока не исчезнут его грубость и

деспотизм, не изменится взгляд на женщину как на собственность мужчины.

Комедия современника Шекспира — Джона Флетчера «Укрощение укротителя» — это как бы продолжение «Укрощения строптивой» Шекспира. На нашей сцене она раньше не ставилась, и причина, должно быть, в том, что и в самом сюжете и в языке много фривольного, а иногда и просто грубого. Театр имени Ермоловой пытался уничтожить эти элементы вульгарности, насыщая свой спектакль юмором, шуткой и весельем. Это дало возможность лучше понять отдельные персонажи комедии и помогло сделать Петруччо привлекательным.

Тема «Укрощения укротителя» не нова. Но за ней скрыта высокая идея. Укрощение укротителя — это борьба за нового человека. Рассказать прежде

Петроний и Морозов — артисты Ю. Черноволенко и Г. Вицын.

Фото Б. Фабисовича. (ТАСС).

всего об этом мы и хотели в своём спектакле.

Спектакль поставлен молодыми режиссёрами — В. Комиссаржевским и

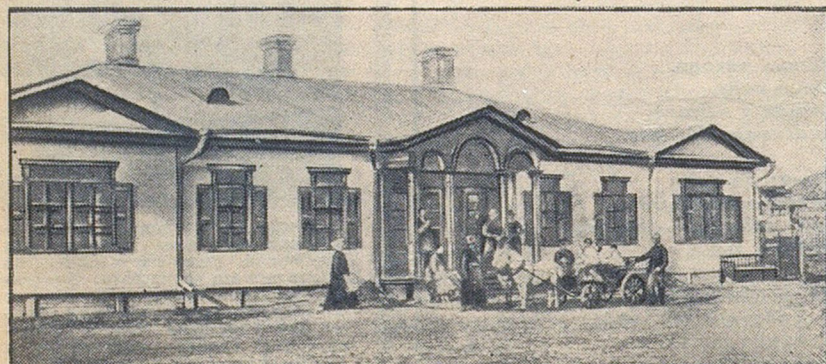
К. Войновым — под общим руководством А. Лобанова, оформлен художником К. Кулешовым. В нём заняты ведущие актёры театра.

СПЕКТАКЛЬ ЛЮБИТЕЛЕЙ

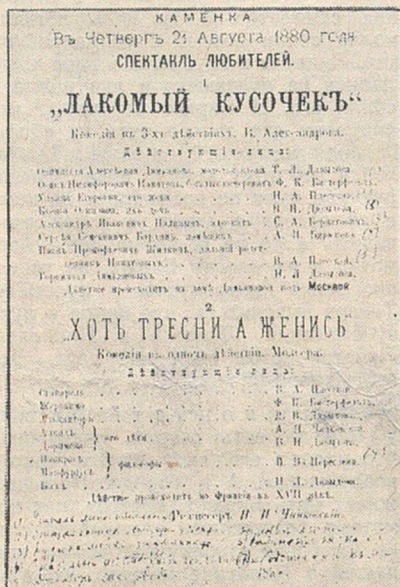
В типографии города Смелы печатание театральных программ было делом довольно обычным. Возможно, потому и не вызвала толков среди уездных старожил афиша любительского спектакля, «имевшего состояться» 21 августа 1880 года неподалёку от Смелы — в Каменке.

Казалось, ничего особенного не было в этой афише, извещавшей о представлении любителями пьесы В. Александрова (он же популярный комедиограф Виктор Крылов) и одноактной шутки Мольера. Но всякий почитатель гениальной оперы «Евгений Онегин» невольно должен был задержаться на последней строке афиши, где мелкими буквами было скромно обозначено: «Режиссёр спектакля — П. И. Чайковский».

Поместье Каменка, где в усадьбе Давыдовых часто гостил Чайковский, овеяно славой. Сюда, к Давыдовым, в просторный дом, принадлежавший прежде племяннице Потёмкина, съезжались некогда для тайных совещаний будущие участники 14 декабря. Здесь делился воспоминаниями о боевых подвигах герой Двенадцатого года генерал Раевский. В каменской усадьбе слагал вдохновенные строки «Кавказского пленника» юный Пушкин. Незабываемые дни, проведённые в Каменке, опальный поэт запечатлел в послании к будущему декабристу В. Л. Давыдову:

Усадьба Давыдовых в Каменке. Здесь, у своих родных, жил П. И. Чайковский.

Программа любительского спектакля в Каменке с пометками П. И. Чайковского.

«...Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова...»

Нет, пожалуй, в Каменке большего удовольствия для Петра Ильича Чайковского, чем вести нескончаемые беседы с вдовой декабриста Давыдова, единственной свидетельницей былых времён.
— Не нарадуешься, когда смотришь на эту восьмидесятилетнюю

старушку, бодрую, живую, полную сил, — описывая свою жизнь в Каменке, говорил Чайковский. Рассказы о старине так и льются... Не далее, как сегодня, она мне подробно рассказывала про жизнь Пушкина в Каменке...

От неё же узнал Чайковский и о блестящих театральных празднествах, что задавались некогда в Каменке.

Никаких следов от всего этого, разумеется, не осталось. И словно вознаграждая молодое поколение за однообразную унылость провинциального захолустья, Чайковский со своими юными племянницами устраивает в Каменке «самодельный» театр.

К этой затее великий музыкант относится со свойственной ему серьёзностью. Чайковский совершает поездку в Киев, где, порывшись в библиотеках, находит для спектакля подходящую пьесу. Взыскательный художник старается привить вкус у молодёжи к классикам мировой драматургии, и потому режиссёр Чайковский осуществил спектакль гоголевской «Женитьбы» и мольеровского «Мизантропа», мечтая в дальнейшем о постановке «Ревизора».

Чайковский-режиссёр не гнушается и более скромной ролью — суфлёра — тогда, когда от этого решительно зависит успех дела.

«Я был суфлёром, — сообщает он в одном из писем, — и очень волновался за брата Анатолия, который не знал своей роли...»

«Играет вся молодёжь, — пишет Чайковский, — племянница моя Татьяна обнаружила на репетициях серьёзный сценический талант. Роль Селимены (в Мизантропе) она играет превосходно. Вообще спектакль идёт очень мило...»

«Настоящий фурор», по выражению Чайковского, произведённый спектаклем в многолюдной аудитории, которую составляли, помимо каменских домохозяев, и окрестные крестьяне, достойно венчал труды молодого коллектива.

«Я с успехом исполнил должность суфлёра, — не без гордости заключил Чайковский отчёт своим друзьям о своём дебюте.

Е. Канн

Артистка Н. Тополева в роли Марии.

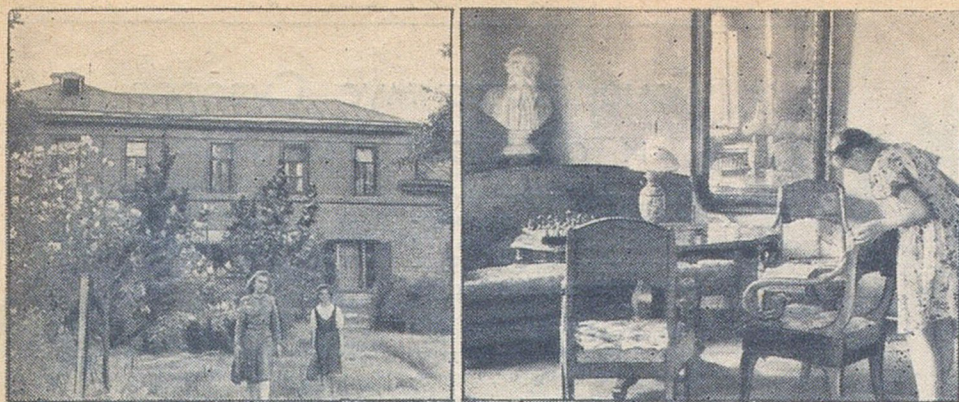

Артист И. Соловьёв в роли Петруччо.

Перевод комедии принадлежит Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Полнокровность сценических чувств, острота мизансцен, театральная подача текста занимали театр во время постановки комедии Флетчера. Она была, думается, неплохой школой. Мы переходим сейчас к постановке двух советских пьес.

Литература и искусство

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО вновь открылся после реставрации. В шестнадцати комнатах этого московского дома, в котором жил с 1882 по 1901 год со своей семьей великий русский писатель, сохранены в неприкосновенности обстановка и многочисленные реликвии. На снимке слева: внешний вид музея-усадьбы; справа: уголок зала.

Фото Е. Игнатович (ТАСС).

ВЫСТАВКА В МУЗЕЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО

К юбилейной сессии Академии наук в Государственном музее Льва Толстого открылась специальная выставка «Толстой в искусстве». Среди выставленных картин 40 произведений Репина, ряд произведений Г. Ге, Нестерова, Крамского. Впервые экспонируются иллюстрации к народным рассказам Толстого художника Крамского, а также зарисовки великого писателя и его семьи, сделанные Репиным. Впервые также показаны иллюстрации советских художников Вата-

гина, Поворского и Васнецова к детским рассказам Толстого.

Подлинные рукописи Льва Толстого, составляющие 150 тысяч листов, обычно хранятся в специальной комнате-сейфе, и в музее экспонируются только фотографии с них. На открывшейся выставке можно было увидеть подлинные рукописи «Войны и мира», «Анны Карениной» и «Воскресения».

Один из залов посвящен теме «Толстой в Отечественной войне». Документы,

газетные статьи и письма свидетельствуют о том огромном интересе, который проявляли бойцы и командиры к произведениям Толстого.

За время войны музей приобрел много полотен, среди них иллюстрации художников Бехтева к «Войне и миру», Домогацкого и Жукова к «Севастопольским рассказам», картины художников Бачкова, Волкова, портрет Толстого, исполненный художником Карповым в 1941 году. Отдельный стенд посвящен опере Прокофьева «Война и мир». Выставлен автограф

оперы, созданной композитором во время войны.

В этом же зале экспонированы материалы, свидетельствующие об интересе к Толстому за границей. Представлены издания Толстого, вышедшие в годы войны в Америке, Англии, Китае, Турции. Интересны снимки постановки «Войны и мира» лондонским театром «Феникс» и снимки артистов китайского театра, поставившего в 1943 году пьесу по роману

«Воскресение». Иранский художник Али Керами, посетивший Советский Союз в октябре 1944 года, подарил музею сделанный им миниатюрный портрет Толстого в живописной раме.

Выставка представляет исключительный интерес. Огромный палеографический и рукописный материал даёт живое представление о жизни и творчестве Толстого.

А. Николаев.

НОВЫЕ КНИГИ

Петрусь БРОВКА. «Беларусь» («Советский писатель»). 1945.

Проникнутые глубоким патриотизмом стихотворения белорусского поэта Петруся Бровки воспевают боевое единство и братство русского и белорусского народов и отражают чувства, одушевлявшие бойцов-белорусов, сражавшихся за освобождение родной

земли от немецких оккупантов. Книга содержит также две поэмы: «Беларусь» — о творческом труде и счастливой доле белорусского народа до войны и о его героическом сопротивлении немцам, закончившемся изгнанием врага, и «Ясный Кут», посвященную возрождению колхоза, разоренного и сожженного врагом.

СЛАВА ПАЛЕХА

В Музее Палеха открыта посмертная выставка работ Павла Дмитриевича Баженова.

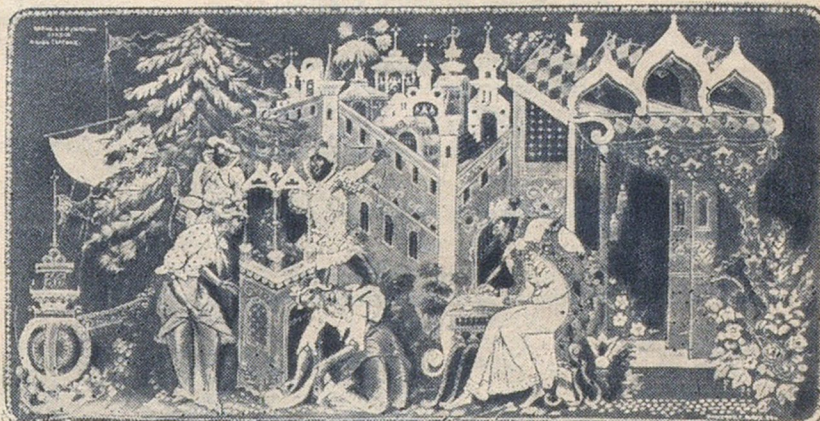
Баженов — представитель одного из тех художественных родов, которыми славится Палех. Его отец, дед и прадед были палехскими иконописцами.

Вся недолгая жизнь Павла Дмитриевича (он умер 37 лет) протекала на глазах палешан. Одним он запомнился лихим гармонистом, желанным участником гулянок; другим — неустанным тружеником-земледелем, косцом и пахарем, ведущим крестьянское хозяйство в рано осиротевшей семье; третьим — талантливым художником, овладевшим тайнами искусства, к которому имел большое тяготение с юных лет.

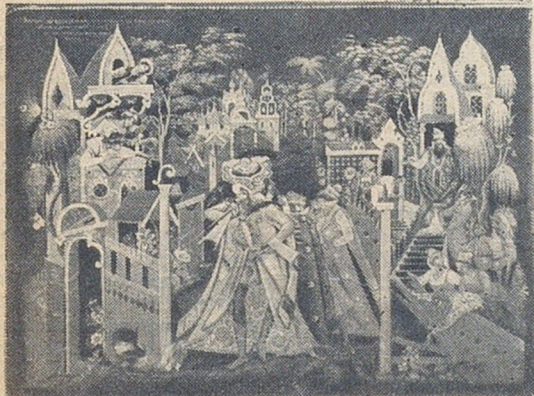
В 1915 году, по окончании сельской школы,

Павел Баженов. Автопортрет.

«Сказка о царе Салтане». Миниатюра на лаке П. Баженова.

«Чурило Пленкович». Миниатюра на лаке П. Баженова. В левом углу миниатюры надпись: «Где девушки глядят, заборы трещат. Где молодухи глядят, оконницы звенят... А старые старухи костыли грызут, гладучи на молодца Чурилушку».

мальчика отдали в иконописное училище. Здесь он работал с упоением, забывая об отдыхе, и считался самым лучшим учеником. В 1926 году Баженов получил приглашение вступить во вновь организованную палехскими иконописцами артель древней живописи, занятую росписью изделий из папье-маше. Первое время он работал в артели учеником под руководством двух крупнейших мастеров Палеха: И. И. Голикова и И. М. Баканова, — но вскоре уже выступил с самостоятельными композициями. Он работал с лихорадочной поспешностью, не покладая рук.

Помимо лаковой миниатюры Баженов работал и в области графики и в области монументальных и театрально-декоративных оформлений.

Все рисунки Баженова, будь то черновые наброски к лаковым миниатюрам, эскизы к театральным оформлениям или графические работы, представляют большой интерес именно как рисунки. Из серии графических работ укажем на

исключительные по стилистическому воспроизведению иллюстрации к былинне о Василии Буслаеве и колоду игральных карт, изданную Гознаком.

Из выставленных образцов лаковой миниатюры обращают внимание такие вещи, как «Чурило Пленкович», «Три девицы под окном», «Добрыня Никитич» и др., отличающиеся большими композиционными достоинствами.

Много труда уделено художником работам по оформлению театральных постановок. Отдел театральных работ, выполненных в стиле Палеха, самый обширный на выставке. Среди них «Руслан и Людмила» для Ленинградского театра кукол, «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», инсценировка сказки Пушкина в Рыбинском драматическом театре и интереснейшая, но, к сожалению, неосуществленная постановка балета по сюжету пушкинской «Сказки о попе и работнике его Балде», сделанная для Московского Большого театра.

Н. Барютин

Кто это сказал!

- 1
Я русский бы выучил только за то,
Что им разговаривал Ленин.
- 2
Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.
- 3
Заложим жён и детей своих, но спасём
отечество. Лучше смерть, чем иноземное иго.
- 4
...и под снегом иногда
Бежит кипучая вода.
- 5
Я обвиняю!
- 6
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, куёт булат.
- 7
Как хороши, как свежи были розы.
- 8
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
- 9
Не говори с тоской: их нет!
Но с благодарностью: были!
- 10
Кажинный раз на эфтом самом месте.
- 11
Ничего, ничего, я петушком, петушком.
- 12
Она меня за муки полюбила,
А я её — за состраданье к ним.
- 13
Жребий брошен.
- 14
Друг Аркадий, не говори красиво.
- 15
Мы пахали!
- 16
И устрица имеет врагов.
- 17
Услужливый дурак опаснее врага.
- 18
Двадцать два несчастья.
- 19
И верёвочка в дороге пригодится.
- 20
А вору дай хоть миллион —
Он воровать не перестанет.

Напечатанные в прошлом номере изречения и выдержки принадлежат: 1 — Мичурину, 2 — Кутузову, 3 — Крылову, 4 — Чехову, 5 и 17 — Грибоедову, 6 — Некрасову, 7 — Гоголю, 8 — Кольцову, 9 — Галилею, 10 — Козьме Пруткову, 11 — Горькому, 12 — Плещееву, 13 — Баратынскому, 14 — Петру I, 15 — Ломоносову, 16 — Карлу Марксу, 18 — Шкелёву, 19 — Богдановичу, 20 — Суворову, 21 — Пушкину, 22 — Вольтеру. Иллюстрации в заголовке — рис. Кардовского к «Горе от ума» Грибоедова.

ИЗ ПРОШЛОГО

Генералиссимус Суворов и адмирал Нельсон

Декабрь 1799 года Суворов провёл в Праге. Русская армия, предводительствуемая им, возвращалась на родину после славных побед в Италии и легендарного перехода через швейцарские горы.

Слава Суворова достигла апогея. Русский посол писал ему из Лондона, что в Англии на всех празднествах пьют за здоровье избавителя Италии. Суворов отвечал на это известие:

«За доброе мнение почтеннейшей английской нации пребуду я навсегда признательным, отдавая и ей с моей стороны в полной мере всю ту справедливость, которую она себе приобрела».

В Прагу съезжались живописцы, чтобы запечатлеть черты русского героя. Знатные путешественники толпами стремились сюда, мечтая об аудиенциях. Генералиссимус жил открыто. На приёмах, которые давал он жителям дружественной Праги, го-

Генералиссимус Суворов.

Адмирал Нельсон.

двух человек, которые бы наружностью своею и манерами так походили друг на друга, как мы. Мы непременно друг другу сродни, и я вас убедительно прошу никогда не лишать меня дорогого наименования любящего вас брата и искреннего друга».

Письмо Нельсона было написано очень крупными буквами. Вместо того чтобы клониться, как обычно, вправо, буквы откидывались влево. Это объяснялось тем, что Нельсон написал всё письмо собственноручно, а как известно, он уже потерял к тому времени в боях правую руку и научился писать левой. Видимо, поэтому, что в данном случае Нельсон обошёлся без всякой помощи секретарей, это письмо не вошло в английские издания переписки Нельсона и было впервые напечатано с подлинника в русских журналах.

Получив письмо от английского адмирала, Суворов тотчас приступил к ответу. По русскому календарю, письмо Суворова пришлось на 1 января 1800 года. Таким образом, оно открывало новый, девятнадцатый век.

«Любезный мой барон и брат, — писал Суворов, — если чья-либо память мне дорога, то, конечно, память такого первостатейного адмирала, как вы! Глядя на ваш портрет, я действительно нашёл между нами некоторое сходство. Итак, можно будет сказать, что мы сошлись мыслями. Это для меня новое отличие, которое для меня очень приятно, но мне ещё приятнее знать, что я характером похожу на вас. Нет награды, любезнейший мой адмирал, которой бы не заслужили ваши высокие достоинства и которой бы ваш брат и друг не почувствовал живейшим образом. Желая сохранить это наименование, равно как и вашу дружбу, носящую отпечаток искренности, я вас прошу благоволить продолжать сообщать мне о себе известия и верить полнейшей взаимности чувств моих к вам, с коими есмь навсегда любящим вас братом и искренним другом...»

Нельсон никогда не видел Суворова, но проявлял усиленный интерес к личности генералиссимуса. В Праге Суворов получил из Палермо знаменательное письмо:

«Многолюбезный князь и брат! В Европе нет человека, который любил бы вас, как я. Все восхищаются вашими великими и достолавными подвигами. Это делает и Нельсон... Нынешний день соделал меня самым гордым человеком в Европе: некто, видевший вас в продолжение нескольких лет, сказал мне, что нет

После этих строк следовала приписка Суворова на французском языке:

«Победа, слава и благоденствие на Новый Год!.. Знаменитый брат, чего не отдадите вы в мире за радугу абукирской битвы? С Новым Годом! С Новым Веком!»

А. Н-ов.

ПРОЩАНИЕ С ЕРМОЛОВОЙ

Лев Никулин

Люди
русского
искусства

Народная артистка РСФСР Мария Николаевна Ермолова.

М. Н. Ермолова в роли Жанны д'Арк («Орлеанская дева» Шиллера).

Если идти по правой стороне Тверского бульвара от памятника Пушкину к памятнику Тимирязеву, не доходя до Никитских ворот, будет незаметный трёхэтажный особняк под номером 11. Ничем особым не привлекает внимания этот старый дом, кроме одной детали: в двух окнах второго этажа стекла необыкновенного, лилового оттенка. Такие стекла встречаются очень редко, и притом в зданиях начала прошлого века.

Здесь жила и умерла Ермолова, великая русская актриса, почти полвека безраздельно царившая на русской сцене, и, пока она была жива, никто не смел посягнуть на первое из первых мест, которое она по праву занимала в русском театре.

С семидесятых годов прошлого века и до его конца все чаяния и надежды лучших людей русского театра были связаны с именем Марии Ермоловой, с благородной, просветительной миссией её великого искусства. Перед именем Ермоловой почтительно склоняли головы великие русские учёные, писатели, композиторы и художники. Их молодость, их восторги, юношеский трепет в театральном зале были связаны с именем великой русской актрисы. Для своего поколения она была символом женственности, героической патетики и в то же время трогательной простоты и скромности.

Следует привести несколько строк из отзыва одного из её современников о поставленной в бенефис Ермоловой трагедии Лопе де Вега «Овечий источник». Ермолова играла Лауренсию. В этой роли, пишет современник, «выли-

лась вполне страстная любовь к свободе и ненависть к тирании, которая охватила собой юную душу артистки». Эти строки были написаны в 1876 году.

Можно себе представить, какие чувства зажигала Ермолова в душах тех молодых людей, которые потом бестрепетно шли в сибирскую ссылку и на плаху во имя любви к свободе и ненависти к тирании!

Уже было Ермоловой за шестьдесят лет, уже умерли многие её сверстники, уже редко она появлялась на сцене, но каждый спектакль, в котором играла Ермолова, был событием в театральной жизни Москвы. И новые поколения театральных зрителей с глубоким волнением ожидали минуты, когда раскроется занавес и они увидят славу русского театра.

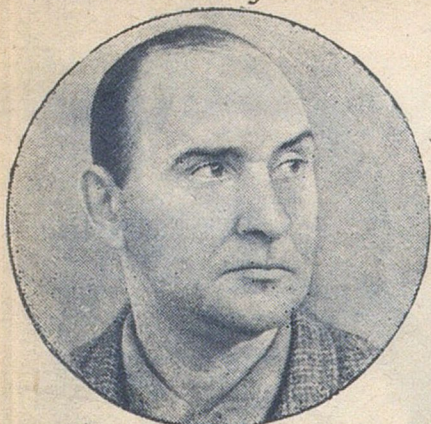

М. Н. Ермолова в ролях (слева направо): 1. Марии Стюарт («Мария Стюарт» Шиллера); 2. Королевы Анны («Стакан воды» Скриба); 3. Мамелфы Дмитриевны («Посадник» Ал. Толстого).

Нашему поколению не довелось увидеть Ермолову в образе «Орлеанской девы», или Лауренсии в «Овечьем источнике», или в роли Елены Ивановны Кручининой в «Без вины виноватые», ни в одной из тех ролей, которые так воодушевляли и пленяли её сверстников. Мы были третьим поколением, которое впервые увидело Ермолову, притом в искусно написанной комедии Скриба «Стакан воды», которая до сих пор идёт на сцене Малого театра. Свидетели молодости и творческой зрелости Ермоловой вспоминали вдохновенно горящие глаза артистки, её глубокий, грудной голос, врождённую пластичность, гармоничность движений даже в сценах, требующих резких порывов; вспоминали пламенные, искренние её чувства на сцене. Слезы, смех, страдания актрисы были искренними и глубоко трогали зрителей. Ещё современники Ермоловой пишут о её «психологической чуткости, умении передать «вечно-женственное», всю сложность женской души, до слёз трогательной, до ужаса страшной, до смеха комичной», — так пишет о Ермоловой Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве».

В пьесе Скриба «Стакан воды» играли Ермолова, Лешковская и Южин; вот почему об этом спектакле осталось воспоминание точно о музыкальном каприччио, разыгранном тремя виртуозами, для которых Скриб был приятной забавой, возвращающей их к временам молодости.

Ермолова играла королеву, Лешковская — герцогиню Мальборо, Южин — Болинброка. Что ка-

Лауреат Сталинской премии
П. Соколов-Скаля.

Кто бывал в Берлине до войны, а в особенности тот, кто бывал там до прихода Гитлера к власти, с величайшим трудом узнает в этой пыльной и грязной развалине былой Берлин — образец чистоты и чопорного порядка. С воздуха город представляется вавилонскими башнями, и только по окраинам краснеют черепицы крыш. На улицах машины вздымают тучи розовой пыли от битого кирпича. Огромный парк «Тиргартен» скошен снарядами и представляет собой колоссальную свалку железного лома. В «Аллее побед» ступаешь по мраморному крошеву памятников всяческих Фридрихов. Над парком господствует чёрный остроконечный рейхстаг, весь до самой маковки исписанный именами наших воинов, бравших Берлин.

Воды Шпрее густы от какой-то злой, вонючей грязи. Мосты висят фантастическим кружевом рваного железа. Некогда зеркально-блестящие мостовые искорежены осколками бомб и снарядов, в асфальт вгрызлись стабилизаторы мин. Вереницами движутся толпы берлинцев, покрывающих пешком расстояния из конца в конец города: автобусы, метро (унтергруд) соединяют лишь отдельные участки. Немцы ухитряются передвигаться на велосипедах с кладью, на которую с недоверием посмотрел бы наш опытный самаркандский ишак.

На перекрёстках стоят наши девушки-регулирующие, ловкими, почти балетными движениями дирижирующие ватагами мчащихся машин. Кстати о машинах — такого разнообразия марок не видно даже в Шанхае. Это почти автомобильная выставка с ретроспективным уклоном. И приятно видеть в этой массе наши эмки, зисы, газы — добротные и простые по формам. Мчатся машины, полные военных экскурсантов, мчатся к рейхстагу, чтобы сфотографироваться там живописными группами на память о самых героических, самых прекрасных днях — днях Победы.

Через город на восток и на запад движутся толпы с флагами всех европейских государств. Едут на всём, что может передвигаться, едут весело, шумно — едут «домой». На борту огромной фуры, которую везёт добрый десяток жизнерадостных французов, написано латинскими буквами одно слово: «Спасибо». Это слово, обращённое к нам, как бы висит над Берлином.

П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ

Берлинские рисунки П. Соколова-Скаля см. на второй стр. обложки.

сается пьесы, то перед нами была написанная искуснейшим сочинителем комедия двора, для которого вопросы войны и мира зависят от сердечной прихоти королевы и где в первом акте как будто безнадежно запутаны нити интриги, а в последнем всё распутывается легко и просто с помощью «стакана воды». Особая прелесть спектакля была в том, что эту шутку разыгрывали три артиста-художника, навсегда вписавшие свои имена в историю русского театра.

Южин — снисходительный и величественный вельможа Болинброк в придворной одежде XVIII столетия напоминал один из портретов Сент-Джемского дворца, нарисованный придворным живописцем. Торжественная сдержанность Болинброка, лукавая снисходительность к прихотям и слабостям женщин, надменность и величие этой мощной фигуры вдруг сменялись почти юншеской живостью, когда Болинброку приходилось защищаться и наносить удары в опасном поединке с герцогиней Мальборо.

С Южиным играла Лешковская — комедийная актриса первой величины, одно из светил Малого театра. Чувство умиления овладевало зрителем, когда он видел и слышал этот концертный, доведённый до совершенства дуэт Лешковской и Южина. Взрывы смеха чередовались с абсолютной тишиной, когда зритель, затаив дыхание, следит за развитием интриги, которую так увлекательно и искусно сплетают у него на глазах два блистательных художника... И затем появлялась Ермолова. И странно — неглубокая, хотя и увлекательная комедия, написанная даровитым театральным сочинителем и либреттистом для развлечения парижан, временами освещалась каким-то большим и волнующим нас искренним, человеческим чувством.

Королева Англии, вся жизнь которой прошла в этих раззолоченных сумрачных залах, вся жизнь которой, от коронования до погребения в королевской усыпальнице, предначертана этикетом, королева, которой не дано показывать своих чувств, королева от головы до ног — вот кто была Ермолова... Монументальность её облика, сдержанность жеста и голоса, в котором не слышалось ни одной старческой ноты, — всё это соответствовало роли, которую играла артистка. Но сущность и смысл её игры были в том, что вы видели на сцене женщину, которую судьба нарекла королевой. Эта женщина умело скрывает свои мысли и чувства и с достоинством играет роль повелительницы, но постепенно маска величия, сдержанности, снисходительной благожелательности спадает и остаётся стареющая, скужающая женщина в том возрасте, когда любовь становится опасной и может причинить большое и тяжёлое горе. И все человеческие, чисто женские чувства вдруг обнажаются перед нами — нескрываемое волнение при встрече с тем, кого любишь, ревность, неприязнь, почти ненависть к сопернице, уязвлённое самолюбие, когда становится ясным, что право на эту любовь имеет юная девушка... Словом, все эти чувства обнажаются перед зрителем с такой глубокой искренностью и совершенством, с такой психологической чуткостью, что мы поняли, какой была Ермолова в зените её дарования...

Всё же перед нами комедия Скриба, комедия двора, и с тончайшим чувством меры Ермолова не доводит переживания женщины, которую она изображает, до подлинного драматического напряжения. Здесь, в этих раззолоченных дворцовых залах, люди не плачут, не рыдают, здесь всё устраивается, как полагается в комедии двора, всё становится на свои места, становится на место и молодой офицер Мэшем, который чуть не стал яблоком раздора между королевой и герцогиней. Рука умного игрока, великого мастера придворных интриг Болинброка, расставляет фигуры на шахматной доске там, где им полагается стоять, достоинство королевы спасено, молодой офицер женится на юной придворной даме, герцогиня Мальборо проиграла партию, и, кстати, заключён мир, которого хотел Болинброк. И только дрогнувший голос королевы выдаёт Болинброку её скрытые чувства, утрату мечты о настоящей любви, которая не указана венценосным особам...

В своё время на сцене русского театра имела некоторый успех пьеса французского драматурга Бриз «Красная мантия».

Пьеса эта претендовала на некоторую социальную проблему, драматург довольно убедительно и сценично показывал, на что способен человек ради карьеры. Красная мантия — одежда судьи. И красной мантии, то есть должности судьи, добивается один из героев пьесы, хотя ради этого ему приходится разбить жизнь человеческую. В пьесе этой три превосходно написанных роли; роль следователя Музона играл Южин, роль крестьянина Эчевара играл превосходный артист на бытовые роли Падарин, жену Эчевара, Марию, играла Ермолова. И те, кто видел Ермолову в сцене допроса, с лицом, обращённым к публике, с исполненным муки и скорби взглядом сияющих глаз, тот видел высшую ступень, которой когда-нибудь достигало драматическое искусство.

И Падарин-Эчевар, сын земли, крестьянин, вечный труженик, и Южин-Музон, поистине железный человек, следовательно, неумолимо делающий своё дело, пренебрегающий всем на своём пути, — это были актёры-художники редкого дарования и силы, но Ермолова повергла в трепет, мы ощущали почти физические всё то, что переживала эта страдающая, несчастная женщина...

В 1920 году, в суровый год гражданской войны, в голодной и строгой Москве зрители прощались с Ермоловой.

Был день пятидесятилетия её жизни в русском театре, и этот день, вернее эти три дня были днями всенародного прощания с великой артисткой.

Москва помнит торжественное шествие артистов всех столичных театров к скромному дому на Тверском бульваре. Был дождливый, серенький день, но это шествие людей, среди которых шли знаменитейшие актёры, было триумфом, признанием великих заслуг Ермоловой.

В Малом театре профессор Московского университета читал доклад о старейших рассказниках просвещения страны, Московском университете и Малом театре.

За занавесом в кресле сидела Ермолова, вокруг неё, поодаль у кулис, стояли её товарищи — артисты. Она слушала речь в честь Малого театра, в её честь, и в

строгой неподвижности всей её фигуры, в сосредоточенно грустном лице было что-то, уже далёкое от жизни. Она глядела в прошлое...

12 лет назад, в 1908 году, Ермолова писала одному из почитателей её таланта. Было это после смерти её друга Ленского:

«...остались только воспоминания. С Ленским умерло всё... Не говорите, что я осталась; я развалина некогда чудного здания. Я больше не жрица искусства, а так... бледная тень, изредка напоминающая о том, что когда-то было...»

Вечером был юбилейный спектакль, торжество и праздник русского театра. В таком торжестве есть иногда что-то грустное, в праздничной мелодии порой звучит ритм траурного марша. Особенно грустно бывает виновнику торжества, актёру или актрисе, которая понимает, что это, может быть, последние лавры, уже давно пожелтевшие и высохшие венки воспоминаний.

Но было в полувековом юбилее Ермоловой что-то живое, нетленное, неумирающее. И когда в сцене свидания Марии Стюарт — Ермоловой — и королевы Елизаветы — Лешковской — за кулисами послышался голос Ермоловой и затем появилась она сама, весь театр дрогнул, все зрители встали и началось то, что и теперь вызывает слёзы волнения и радостной гордости.

Ермолова жила и властвовала на сцене Малого театра в Москве, в столице, где она играла полвека, почти не покидая его. Ермолова прощалась с Москвой, и новые поколения преклонялись перед её неповторимым, уже легендарным дарованием.

Был 1920 год, гражданская война шла к концу, ещё не заросли братские могилы воинов, освободивших Крым от Врангеля, голод и блокада ещё терзали страну, и в этот год родина артистки праздновала полвека её творческой жизни. Она возшла на сцену, засияла звездой первой величины в роли Эмилии Галотти, она прощалась с театром в роли Марии Стюарт.

Даже в этом преклонном возрасте встреча Марии Стюарт-Ермоловой и Елизаветы в саду в Ноттингеме волновала зрителей. Пусть живой запах цветов вдыхало ушедшее поколение, — наше поколение всё же ощущало тонкий и нетленный аромат: так пахнут сохранившиеся в старинной книге розы, сорванные много лет назад.

Потом наступило то, что бывает на юбилейных торжествах, — делегации, венки, речи.

Временами Ермолова поднималась во весь рост, она хотела слушать эти речи стоя, но её принуждали сесть в раззолоченное кресло, и казалось, она сошла с полотна неизвестного художника Возрождения, с аллегорической картины, где величественная и добрая женщина, символ великого города или страны, принимает дары и поклонения сограждан.

Ещё долго в этот вечер величали Ермолову и прощались с ней, прощались государственные люди, учёные, музыканты, писатели, художники — вся творческая, мыслящая и великая Москва, для которой имя Ермоловой было символом света, разума, правды и таланта.

Четыре года спустя не стало Ермоловой.

Шпилькин на фронте

Евг. Бермонт

Рисунки Г. Валька

Это произошло весной 1942 года. Рано утром ко мне прибежал записавший композитор Шпилькин и спросил, где можно достать высокие болотные сапоги.

— Зачем тебе болотные сапоги? — удивился я. — Разве ты собираешься писать охотничью симфонию?

Но композитор нетерпеливо перебил:

— Брось, пожалуйста! Мне совсем не до шуток! Завтра на фронт еду!

От изумления я просто замер на месте.

Всем нам было хорошо известно, что Иван Семёнович Шпилькин очень не любил прямые попадания.

— Бомбёжек я не боюсь, — обычно говорил он знакомым, когда речь заходила о воздушных налётах на Москву, — но прямые попадания не люблю. Прямое попадание в объект — очень неприятная вещь, особенно если этот объект ты...

Кроме того Иван Семёнович был очень подвержен действию взрывных волн.

Так например, когда упала бомба на площади Маяковского, а Шпилькин стоял на посту в подъезде дома по 3-й Мусковской, взрывная волна сорвала его с поста, закинула на пятый этаж, засунула под кровать и даже завернула с головой в старое ватное одеяло.

А когда две бомбы крупного калибра разорвались у Белорусского вокзала, силой взрыва Иван Семёнович с женой и шестью чемоданами был отброшен на дачу к тёще, где и прожил безвыездно около двух месяцев.

Помню также мою встречу с ним в самом начале войны на проводах трёх композиторов, добровольно отправлявшихся в действующий флот.

На проводах все были веселы и возбуждены, а уезжающие композиторы лихо скрипели новенькими револьверными кобурами, низко, по-морскому, подвешенными к поясу.

Только один Шпилькин был грустен. Плохнувшись рядом со мной на диван, он тяжело вздохнул и сказал, кивая в сторону новоспечённых моряков:

— Счастливицы!.. Едут!.. А ты торчи здесь, в тылу, в Москве...

— А кто тебя заставляет торчать здесь, в тылу, в Москве? Поезжай тоже на фронт.

— Врачи не пускают. Как раз сегодня был на комиссии. Говорят, что при моей нервной конституции мне категорически противопоказан миномётный огонь...

Теперь читателю понятно, почему я так изумился, узнав, что Шпилькин собирается на фронт.

Из последовавшего затем рассказа Иван Семёновича я узнал, как всё это произошло.

Накануне к нему на квартиру пришёл какой-то фронтовой майор с тремя орденами на груди.

— Композитор Шпилькин? — спросил он с таким почтением, точно явился к самому Людвигу ван Бетховену.

— Да.

— Я к вам по поручению генерал-майора, — щёлкнул каблуками майор.

— Пожалуйста.

Иван Семёнович пригласил посетителя в кабинет, и тот изложил ему поручение своего начальства.

Поручение было весьма обычное для того времени. Энская артиллерийская часть показала в последних сражениях великолепные боевые качества. Недавно ей вручили гвардейское знамя. Генерал просит композитора Шпилькина в срочном порядке написать для новых гвардейцев бодрую походную песню или марш.

— Сочту своим долгом выполнить просьбу генерала, — обрадовался польщённый композитор.

— И скоро можно будет получить у вас это произведение? — осведомился майор.

— А у меня как раз есть одна собственная мелодия...

Тут Иван Семёнович вовремя прикусил язык.

Дело в том, что перед самой войной он написал по заказу некоей транспортной организации песню под названием «Боевая автобусная». Однако распевать эту песню не пришлось, так как автобусное движение в городе прекратилось. Почему же, собственно говоря, безработную транспортную мелодию не превратить просто в боевую песню?

Но майору совершенно незачем знать эти маленькие тайны художественного творчества.

Поэтому композитор вовремя прикусил язык и затем произнёс, указывая на роль:

— Для того чтобы написать песню, дорогой товарищ, мало иметь инструмент. Надо, чтобы тебя ещё осенило вдохновение...

— Может быть, вам для осенения и вдохновения подкинуть кое-какие продукты? — прямо спросил посетитель.

— Нет, нет, что вы, ни в коем случае! Конечно, если вы настаиваете, то мне упираться нелепо, но...

— А то давайте съездим к нам в часть. Там, наверно, осенитесь и вдохновитесь, да и подкрепитесь. А? Поедем?

— Пожалуй, — неуверенно промямлил Шпилькин, сразу вспотев при мысли о прямых попаданиях и миномётном огне.

— Чудесно! В таком случае в понедельник, в девять ноль-ноль, я у вас на машине. Будьте здоровы!

И стремительный майор быстро ушёл, скрипя сапогами, а в квартире Шпилькина воцарились тревога и уныние.

— Значит, в понедельник, в девять ноль-ноль, еду на фронт, — закончил свой рассказ Иван Семёнович. — Как ты думаешь, валенки следует захватить?

— Зачем тебе валенки в апреле?

— А вдруг попадём в окружение, — сказал композитор и так вздрогнул, что стало ясно, что окружение он не любит почти так же, как прямое попадание.

— Ну, какое теперь окружение? Я уверен, что у тебя будет совершенно безопасная поездка.

Шпилькин даже обиделся:

— Безопасная? Почему безопасная?! Вам, торчащим в тылу, всё кажется безопасным! А я убеждён, что по нашей машине всю дорогу будет давать короткие очереди какой-нибудь хейнкель-стервятник.

Он уже говорил со мной, как бывалый фронтовик с ни черта не понимающей тыловой крысой.

Уходя, Иван Семёнович позвал ветером к себе на гротальную рюмку водки и сухари с горчицей (в апреле 1942 года меню всегда отличались экстравагантностью!).

В дверях он опять задержался и неуверенно спросил:

— А может, на всякий случай, надеть кольчугу?

— Какую кольчугу?

Композитор Шпилькин собирается на фронт.

— У моего двоюродного брата есть рыцарская кольчуга. Сделана она в шестнадцатом веке, но ещё довольно прочная. Брат уверяет, что пуля её не пробивает.

— Конечно, надень. Раз пуля не пробивает...

Но бедный Шпилькин был полон сомнений и колебался:

— Простая пуля, может, и не пробивает, а противотанковая наверняка пробьёт. А в меня, безусловно, будут стрелять только из противотанковых ружей...

Вечером у Шпилькиных было довольнолюдно. Пели «Последний нонешний денечёк» и «Стань, казачка молодая, у плетня, проводи меня до солнышка в поход», причём сама казачка (т. е. жена Шпилькина, Евгения Васильевна) поминутно подносила платок к глазам и чувствовала себя почти вдовой.

А подвыпивший хозяин укорял гостей в том, что они не чувствуют потребности хотя бы немного подышать пороховым дымом сражений.

— Как вы можете писать о войне, не зная, что такое война?! — кричал он на молодого поэта, у которого на поджаке золотилась ленточка тяжёлого ранения. — Я не могу творить до тех пор, пока лично не испытаю, что такое окружение, прямое попадание и миномётный огонь.

Поэт смущённо улыбался. Он участвовал уже в трёх кампаниях и хорошо знал всё то, о чём мечтал Иван Семёнович только в подпитии...

Юмор

Ровно в девять ноль-ноль пришла машина.

Майор даже открыл рот от удивления, когда все гости высыпали к подъезду. Поблудивший Шпилькин с каждым в отдельности крепко расцеловался и каждого в отдельности просил не забывать жену фронтовика «в случае чего».

Когда он обнимал меня, я почувствовал, как под пальто хрустят и позвякивают металлические кольца рыцарской кольчуги.

Машина тронулась под приветственные клики провожающих.

Днём мне зачем-то понадобилось в гостиницу «Москва». Пришлось довольно долго стоять в очереди к лифту. Наконец, он спустился. Лифтёрша шагнула в сторону, освобождая дорогу пассажирам, и из кабины вышел Иван Семёнович в сопровождении майора.

Кажется, пояись тогда сам чорт с рогами, копытами и хвостом, он не поразил бы меня так, как поразило появление Шпилькина.

— Вы?! Здесь?! Каким образом?!

— А здесь, на крыше! Расположен один из расчётов нашей зенитной части, — любезно разъяснил майор.

— Здесь?! На крыше?! А где остальные?!

— На других крышах, — весело засмеялся майор. — Но мы уже там побывали. Поездка оказалась не такой сложной и опасной, какой она казалась товарищу Шпилькину. Не правда ли, Иван Семёнович?

Иван Семёнович буркнул в ответ нечто нечленораздельное. Под демисезонным пальто смущённо хрустели кольца рыцарской кольчуги.

После войны Иван Семёнович Шпилькин уже несколько раз выступал в различных клубах и делился своими впечатлениями о поездке на фронт.

Я решил поэтому, наконец, поделиться своими воспоминаниями с читателями.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ

В одном из исторических журналов прошлого века был напечатан курьёзный рапорт воеводы, обнаруженный в рукописном сборнике в Костроме.

«Сего 20 мая на память мученика Фалалея, волей божею половина города выгорела до тла и с пожитками, а из оставшейся половины города ползут тараканы в поле, и видно, что быть и на эту половину гневу божию, и на долготу, короткоту и той половине города гореть, что и от старых людей применено. Того ради правительствующему Сенату представляю, не благоугодно ли будет градожителю пожитки свои выносить, а оставшуюся половину города зажечь, дабы не загорелся город не во время и пожитки все бы не сгорели».

На рапорт последовал из сената ответ следующего содержания:

«Половина города сгорела. Велеть обывателям строиться, а впредь тебе воеводе не врать и другой половине города не зажигать, тараканам и старым людям не верить, а ждать воли божией».

СПОРТ

ПЕРЕД ВТОРЫМ КРУГОМ

Последний футбольный матч на первенство страны назначен по календарю на 23 сентября. Он состоится в Москве между командами «Крылья Советов» и тбилисским «Динамо». Это будет 132-я встреча в двухкруговом турнире 12 сильнейших футбольных команд. Но нетерпеливые любители не могут так долго ждать чемпиона, они хотят видеть победителя значительно раньше. По окончании матчей первого круга определяется кандидат в чемпио-

рах по воротам, забил 13 мячей, «бронбойщик» Сергей Соловьёв — 10, проворный на краю Василий Трофимов — 7, Константин Бесков и Александр Малавкин — по 4, Александр Савдунин — 1 и хавбек Леонид Соловьёв — 2. На футбольной совести вратаря Алексея Хомича 9 пропущенных мячей.

Команда московского «Динамо» родилась в 1923 году на спортплощадке в Орлово-Давыдовском переулке. Молодая команда в

времени: Замоскворецкому клубу спорта, Обществу любителей лыжного спорта, Спортивному кружку За-

менитые игроки: беки Рушинский, Лапшин и Сысоев, центрхавбек Селин, форварды Блинков, Канунников, вратарь Николай Соколов.

Расцвет мастерства московских динамовцев наступает только через 8 сезонов. В 1931 году команда выигрывает первенство Москвы и удерживает его более 10 раз. Три года — 1936 (весна), 1937, 1940 — «Динамо» — чемпион страны; в лето 1940 года команда завоевала «Кубок СССР». Более десяти международных матчей выиграла прославленная московская команда. Команда басков, являвшаяся одной из лучших в Европе, дала оценку московскому «Динамо» как сильнейшему футбольному клубу в Советском Союзе.

За свою 22-летнюю игровую деятельность московское «Динамо» вырастило выдающихся мастеров советского футбола. Тут и старая футбольная гвардия — голкипер Фокин, беки Корчебоков и Тетерин, форварды Иванов, Пав-

лов, Ильин, Елисеев, Смирнов, Семичасный. Тут и молодая поросль — вратарь Хомич, полузащитники Блинков, Леонид Соловьёв, нападающие Сергей Соловьёв, Карцев, Трофимов, Назаров.

Три заслуженных мастера спорта: Фёдор Селин, Сергей Ильин и Михаил Якушин — много лет несли вахту капитана команды. Лучшие стратеги футбола Дубинин, Тетерин, Корчебоков, заслуженные мастера спорта Квашинин и Аркадьев работали тренерами. Сейчас тренируют команду Якушин, капитан Михаил Семичасный. Команда «Динамо» имеет много шансов завоевать в четвёртый раз первенство СССР по футболу.

После турнира на первенство СССР начнутся острые матчи на «Кубок СССР» по олимпийской системе (проигравший выбывает из конкурса).

Платон Ипполитов, заслуженный мастер спорта СССР

Команда московского «Динамо» — победитель первого круга первенства СССР по футболу. Слева направо: Семичасный, Хомич, Радикорский, Л. Соловьёв, Блинков, Станкевич, С. Соловьёв, Бесков, Карцев, Малавкин, Трофимов.

Фото Н. Волкова

ны. Такая команда объявлялась в конце июля на 56-м матче.

Первый месяц турнирных встреч: впереди шло тбилисское «Динамо», потом лидером на один день стала команда «Торпедо». После него таблицу команд мастеров возглавили ЦДКА и московское «Динамо». Все эти команды имели одинаковое количество очков — по 18 — и почти мяч в мяч — 38:8 у «Динамо» и 37:8 у ЦДКА. Лидеры встретились в решающем поединке 66-го матча. Игра этих замечательных футбольных ансамблей явилась великолепным финишем первого круга игр.

Матч «большого футбола» состоялся в присутствии 75 тысяч зрителей на московском стадионе «Динамо» и закончился весомой победой хозяев поля со счётом 4:1. Трёхкратный чемпион страны стал победителем первого круга.

Итак, половина турнира позади.

Форварды «Динамо» поделили между собой забитые мячи. Василий Карцев, душа атак и мастер исключительной меткости в уда-

рное время, конечно, не могла составить сильной конкуренции мастерам того

замоскворечья, клубу спорта «Красная Пресня». В этих командах подвизались зна-

Почему мы так говорим

ТРАМВАЙ

В 1801 году в Англии было открыто движение по первой конно-железной дороге между Крайтоном и Вудсвортом, построенной Утрамом. Её называли утравуэй, или, короче, трамуэй — дорога Утрама (по-английски «уэй» — дорога). Название «трамуэй», в нашем произношении «трамвай», ставшее уже нарицательным словом, осталось за городскими рельсовыми дорогами и после замены конной тяги электрической, а потом стало означать исключительно городскую электрическую дорогу.

ПЕРСИК, ГРЕЧИХА, ФИНИК

Раньше ошибочно считали, что персик был занесён в Европу из Персии, почему и латинское его название «Прунус персика» («персика» — персидская). Теперь известно, что персик никогда в Персии дико не рос, а родина его — Китай, но старое название «персик» осталось. Ошибочно также название «гречиха»: Греция не являлась родиной этого растения, попавшего к нам из Азии. В Европе, в частности в Греции, растение стало известно не раньше средних веков. Финик носят имя по стране и народу — финикийцам, от которых Европа узнала этот плод.

ГЕНИЙ

По представлениям древних римлян, гений — дух, сопутствующий человеку от рождения, охраняющий его и

заботящийся о нём до смерти. Гении были не только у человека, но и у народов («гений римского народа»), городов, общин; им приносили жертвы, приписывая их влиянию творческие проявления. Гений становился как бы вторым, лучшим «я» человека. Хороших друзей уподобляли гению: «Он его добрый гений». У человека мог быть «выдающийся гений», человек мог быть «гениальным». Отсюда понятно, как возникло и наше значение слова «гений» — человек высшей творческой одарённости. Христианство восприняло римскую веру в гениев, превратив их в ангелов-хранителей.

ЗАРУБИ НА НОСУ

В русских деревнях, где часто поголовно все были неграмотны, прежде употребляли «бирки» — палки, длиной метра в два. На бирках старосты и приказчики помещиков отмечали ножом количество сданного хлеба, вспаханной земли, выполненной работы и т. п. Потом бирка раскалывалась на две части так, чтоб зарубки были на обеих. Одна оставалась у исполнителя работ, другая — у работодателя. Расчёт производился по зарубкам на бирках. «Заруби на носу», означавшее «крепко запомни»; идёт от времени бирок. А «на носу» — значит так, чтобы зарубка была всегда на виду.

И. Уразов

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Н. Зубарева.

ПАРТИЯ

играна в финале XIV первенства СССР по шахматам.

Чешская

Ботвинник (Москва) Смыслов (Москва)
1. d2—d4 d7—d5
2. Kg1—f3 Kg8—f6
3. c2—c4 c7—c6
4. c4:d5 . . .

Получающаяся после этого размена симметричная позиция требует очень точной игры со стороны чёрных.

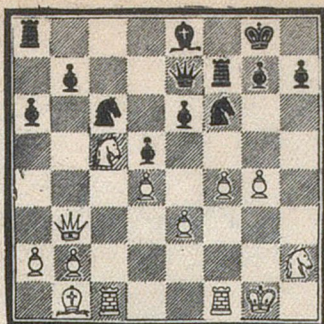
4. . . . c6:d5
5. Kb1—c3 Kb8—c6
6. Sc1—f4 e7—e6
7. e2—e3 Cf8—e7

Направляется продолжение 7. . . . Cdb6. Как будет видно из дальнейшего (см. 14-й ход чёрных), чёрные должны будут вернуться к этому ходу.

8. Cf1—d3 0—0
9. h2—h3 Sc8—d7
10. 0—0 a7—a6

В этом ходе пока не было необходимости; лучше было 10. . . . Лс8. После хода в партии у чёрных ослабевают поля b6 и c5.

11. Лa1—c1 Cd7—e8.
Этот маневр ведёт лишь к потере времени. Лучше 10. . . . Лс8.
12. Cd3—b1 Kf6—h5

(Положение после 20-го хода).

Весь план игры, начатый этим ходом и преследующий цели активных операций на королевском фланге, мало обоснован и, в конечном итоге, ведёт к краху. Необходимо было 12. . . . b5, предупреждая перевод белого коня на c5.

13. Cf4—h2 f7—f5
14. Kc3—a4 Ce7—d6
15. Ka4—c5 Cd6—e7
16. Kf3:h2 Фd8—e7
17. Фd1—b3 Лf8—f7
18. g2—g4! . . .

Не чёрные, а белые получили атаку на королевском фланге!

18. . . . f5:g4
19. h3:g4 Kh5—f6
20. f2—f4! b7—b6
20. . . . Чёрные неудачно разыграли дебют и стоят хуже.

Сейчас перед ними две возможности: или перейти к защите и выждать дальнейших событий или путём тактических осложнений и жертв материала попытаться получить инициативу и спасти положение. Смыслов избирает второй путь, который, однако, приводит к быстрой катастрофе.

21. Фb3:b6 Ла8—b8
22. Фb6:a6 e6—e5

Все эти жертвы входили в план чёрных, начатый их 20-м ходом.

23. d4:e5 Kc6:e5
24. f4:e5 Fe7:e5

Чёрным удалось получить некоторую атаку, но ресурсы защиты белых велики, и Ботвинник точными ходами ликвидирует все опасности.

25. Фa6—e6!

Сильный ход, после которого становится ясным, что все атакующие попытки чёрных обречены на неудачу.

25. . . . Fe5—g3+
26. Kpg1—h1 Лb8:b2
27. Лc1—c2! Лb2—b8

Атака чёрных отбита.

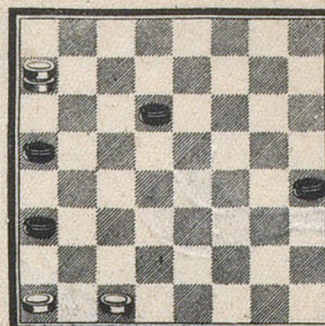
28. Лc2—g2 Фg3—h4
29. g4—g5 Kf6—h5
30. g5—g6 h7:g6
31. Сb1:g6 Чёрные сдались.

Всю партию Смыслов провёл в несвойственном ему азартном стиле.

ШАШКИ

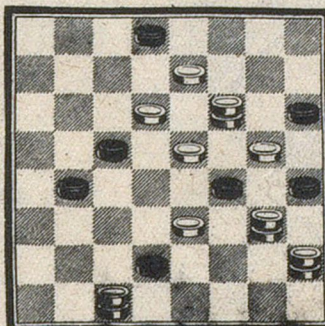
Под редакцией мастера Г. Торчинского

ЭТЮД А. БУТКЕВИЧА (Новосибирск)

Белые начинают и выигрывают.

ЗАДАЧА А. ЕФРЕМОВА

Запереть простую чёрных.

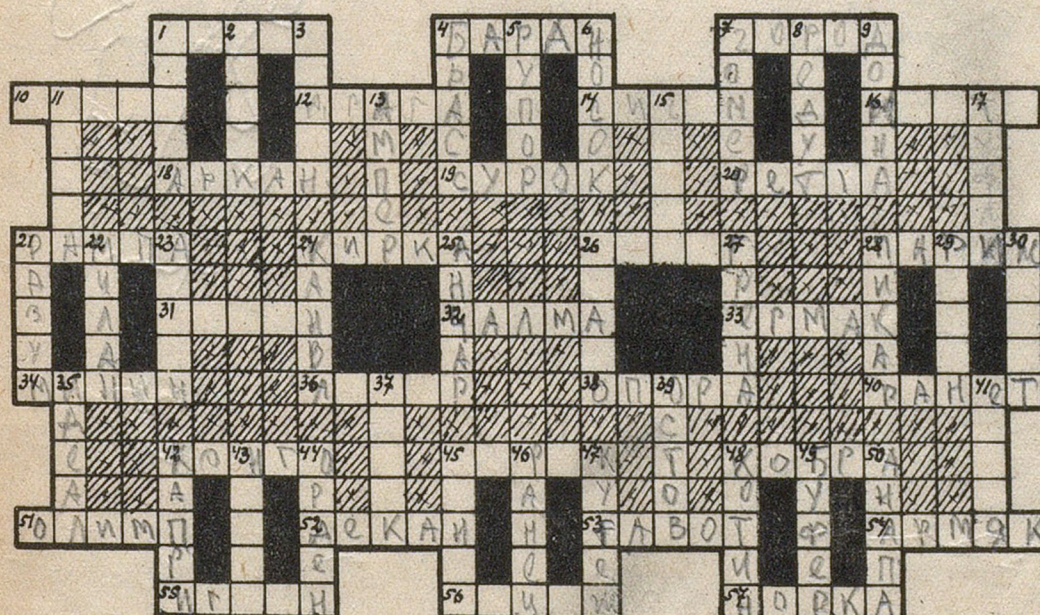
Новые марки

Интересная серия, посвящённая орденам и медалям СССР, пополнилась тремя новыми марками, на которых воспроизведены медаль материнства (коричневая на голубом фоне, номинал 20 коп.), орден Материнской славы (коричневая на зелёном фоне, 30 коп.) и орден Мать-героиня (красная, на розовом фоне, 60 коп.). Серия выпущена с зубцами и без зубцов.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Э. И. Хаславский.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Тапещ. 4. Домашнее животное. 7. Населённый пункт. 10. Дерево. 12. Дноуглубительная землечерпалка. 14. Город, упоминаемый в Библии. 16. Столица одной из советских республик. 18. Приспособление для ловли лошадей. 19. Зверёк. 20. Дождевые черви. 21. Часть сцены. 24. Орудие для земляных работ. 26. Кулинарное изделие. 28. Столица европейского государства. 31. Знаменитый французский скульптор. 32. Головной убор у мусульман.

33. Казачий атаман XVI века. 34. Великий русский патриот. 36. Профессия. 38. Поддержка. 40. Сорт яблок. 42. Река в Африке. 45. Город во Франции. 48. Ядовитая змея. 51. Местопребывание богов в греческой мифологии. 52. Выборный глава факультета. 53. Старинный танец. 54. Кафтан. 55. Государство в Азии. 56. Пай. 57. Пушной зверь.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Жидкость. 2. Растение. 3. Область в Африке. 4. Стиль плавания. 5. Усилитель звука. 6. Короткий чулок. 7. Древ-

негреческий поэт. 8. Полевое укрепление. 9. Печь для выплавки чугуна. 11. Осветительный прибор. 13. Единица измерения силы тока. 15. Река в СССР. 17. Обувь. 21. Ум. 22. Город европейского государства. 23. Город в Америке. 24. Ткань для вышивания. 25. Ядовитое дерево. 26. Юридический термин. 27. Яйца тутового шелкопряда. 28. Известный страновед. 29. Газ. 30. Задор, горячность, запальчивость. 35. Совершенство. 37. Холодное оружие. 39. Костяк. 41. Город в СССР. 42. Остров в Неаполитанском

валле. 43. Приток Иртыша. 44. Награда. 45. Стеклоплавильная гонимая посуда. 46. Запеченная кожаная сумка. 47. Разгул. 48. Известный конструктор танков. 49. Приспособление для ослабления толчков в вагонах при движении. 50. Курорт в СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 32

«ОГОНЬКА»

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Ключка. 2. Окуляр. 3. Магнолия. 4. Скака. 5. Каир. 6. Тон. 7. Рупор. 8. Опи. 9. Рея. 10. Риф. 11. Лес. 12. Просо. 13. Ухо. 14. Врун. 15. Некто. 16. Проспект. 17. Исидор. 18. Сатрап. 22. Надзор. 23. Сантонни. 25. Стеарин. 26. Хомут. 28. Азарт. 29. Курпос. 31. Пендик. 32. Сохран. 40. Феодаль. 43. Из. 44. Фа. 45. Аз. 46. Не. 48. Грохот. 52. Кол. 54. Нос. 57. Лава. 61. Ваал. 62. Караул. 63. Завота. 64. Кокс. 65. Низ. 67. Мор. 69. Авто. 71. Физика. 72. Пигата. 73. Док. 75. Та. 76. Ми. 78. Ли. 79. Ну. 81. ОРС. 83. Ум. 84. Ниша. 88. Атос. 89. Из. 93. Львов. 94. Конев. 95. Грабия. 97. Ласка. 98. Великан. 102. НТО. 103. Сон. 104. Днепр. 105. Любек. 106. Ура. 109. Кин. 110. Жуков. 111. Ток. 112. Оба. 115. Рапира. 116. Нептун. 117. Кюри. 119. Инпр. 121. Муму. 122. Шкурка. 123. Градус. 125. Он. 127. Игра. 128. Маас. 132. Тире. 133. Озон. 135. Су. 137. Закон. 138. Тирада. 139. Кот. 140. Тарантас. 141. Ода. 142. Ира. 143. Сказание. 144. Кох. 145. Допуск. 146. Невод. 153. Гармония. 154. Истина. 157. Работа. 159. Еретик. 160. Интеграл. 164. Атаман. 165. Подвал. 166. Колба. 167. Сто. 168. Зуд. 169. Дол. 170. Ом. 171. Кунак. 174. Нокаут. 175. Крайтер. 180. Овин. 185. Рама. 188. Аза. 189. Эта. 190. Рур. 193. Но. 194. Па. 196. Ге.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Кюот. 8. Одер. 10. Реал. 13. Улов. 19. Ключка. 20. Ро-стан. 21. Унисон. 24. Психей. 27. Фисаско. 30. Отпуск. 33. Эшелон. 34. Кара. 35. От. 36. Ус. 37. Енот. 38. Сударь. 39. Ад. 41. Ре. 42. Миф. 45. Ана. 47. По. 49. Ко. 50. Капрал. 51. Акула. 53. Зерно. 55. Европа. 56. Олово. 58. Рот. 59. Тор. 60. Олива. 63. Зоя. 64. Край. 65. Нил. 66. Сом. 68. Ната. 70. Туф. 73. До. 74. Витамин. 77. Солонка. 80. Во. 82. Рубанок. 85. Анализ. 86. Ритуал. 87. Гранит. 90. АМО. 91. Икс. 92. Василевский. 96. Маликовский. 99. Ост. 100. Иза. 101. Аванс. 107. Эра. 108. Мус. 111. Тоска. 113. То. 114. Об. 116. Никон. 118. Ока. 120. Камыш. 124. Поп. 126. Риж. 129. Рокоссовский. 130. Толбухин. 131. Ров. 132. Том. 134. Уса. 136. Интрига. 137. Зонтик. 144. Кодеши. 147. Изумруд. 148. Ра. 149. Анод. 150. Риск. 151. Ро. 152. Нагасак. 155. Ротор. 156. Ара. 158. Архан. 159. Евгения. 161. Оспа. 162. Утро. 163. Ваниль. 166. Кант. 167. Сан. 168. Зоб. 169. Два. 171. Едок. 173. Туника. 176. Ива. 177. Кит. 178. Банджон. 179. Лион. 181. Оса. 182. Дот. 183. Луи. 184. Иран. 186. Гектар. 187. Ваза. 189. Эврика. 191. Казаки. 192. Али. 194. Пик. 195. Луг. 197. Мах. 198. Амулет. 199. Нева. 200. Орда. 201. Езда. 202. Руда.

ДОЛЕТАЛИСЬ! Историческая справка

ОТ МЕТЛЫ ДО «МЕССЕРШМИТТА»

Немецко-фашистская авиация ведёт своё начало от средних веков. Самолёт средневековья имел, как известно, форму метлы. Используя воздушный транспорт для своих грязных целей, нечистая сила летала на этом метлолёте на шабаш. Техника самолётостроения между тем непрерывно совершенствовалась. Если гоголевский кузнец Вакула имел в своём распоряжении летательный аппарат мощностью в одну нечистую силу, то гитлеровская нечисть пользовалась уже тысячами «Мессершмиттами».

КАК КТО САДИТСЯ

Совершенствовалась с течением времени и техника посадки. Метлолёты немецких ведьм приземлялись, как свидетельствует гётевский Фауст, на неудобной для посадки вершине горы Брокен, в Гарце. Гитлеровский гаер Гесс выбросился с парашютом на благоустроенный семейный гаеродром какого-то лорда, а долго уклонявшийся от мёртвой петли Петэн совершил вынужденную, правда, посадку на скамью подсудимых. На ту же точку садится и Лаваль.

Надутая спесью немецко-фашистская летающая «колбаса» Геринг после вынужденной посадки перешла на скромное положение привязного аэростата, но, несмотря на привязь, скоро повиснет в петле.

Летающий на погубивших своего конструктора устаревших «УГ» (утках) Геббельс мистер Херст садится по обыкновению в лужу. На тот же гидродром сели летавшие на лопнувших ныне мыльных пузырях Аришневский и Рачкевич и вылетевшая из палаты общины леди Астор. Сядет вскоре (в лужу) и пускающий уже пробные шары «лётчик-испытатель» Франко. Пока он ещё портит воздух.

ОТ «МЕССЕРШМИТТА» ДО МЕТЛЫ

Вступление союзников в Гарц ограничило лётные возможности нечистой авиации, а взятие Красной Армией Берлина и последовавшая затем Берлинская конференция лишили немецко-фашистскую авиацию всех летательных аппаратов... кроме метёл, конечно. Эти устаревшие летательные аппараты успешно используются теперь для очистки германских городов от фашистской нечисти.

На этом и кончается история немецко-фашистской авиации. Долетались!

Рис. Бориса Ефимова. Текст Эмilia Кроткого.